

eISSN 2311-2468
Том 12, № 11. 2024
Vol. 12, no. 11. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ПЕСЧАНСКАЯ А. С.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ
СТЕРЕОТИПОВ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических механизмов формирования гендерных стереотипов в медиадискурсе. На примере заголовков англоязычных газетных статей рассматриваются способы, посредством которых СМИ транслируют гендерные стереотипы. Автор приходит к выводу о том, что медиадискурс не только закрепляет традиционные гендерные стереотипы, но и способствует возникновению новых.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, маскулинность, фемининность, медиадискурс, гендерная лингвистика.

PESCHANSKAYA A. S.

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF
GENDER STEREOTYPES IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE**

Abstract. The article presents a study of linguistic mechanisms in the formation of gender stereotypes in media discourse. Considering the headlines of English newspaper articles, the ways of representing gender stereotypes in mass media are analyzed. The author concludes that media discourse not only supports traditional gender stereotypes but also contributes to the creation of new ones.

Keywords: gender, gender stereotype, masculinity, femininity, media discourse, gender linguistics.

В современном мире дискурс играет ключевую роль в понимании языка и социокультурных процессов. Как важнейший инструмент коммуникации в различных сферах, он не только отражает культурные и социальные изменения, но и сам их формирует. Это делает его исследование актуальным не только для лингвистики, но и для других гуманитарных и социальных наук.

Понятие «дискурс» является сложным и многогранным, поэтому в научной литературе существует множество его определений. Американский лингвист З. Харрис ввел и впервые описал понятие дискурса в своей статье под названием «Дискурс-анализ» (1952 г.), что стало значимым событием для современной науки о языке. Он определил дискурс как «последовательность предложений, произнесенную (или написанную) одним (или более) человеком в определенной ситуации» [6, с. 3], что в дальнейшем было уточнено и дополнено другими учеными. На сегодняшний день дискурс воспринимается как более широкое понятие, чем просто последовательность предложений.

В данном исследовании дискурс рассматривается как совокупность текстов, создаваемых в процессе коммуникации, с учетом экстралингвистических факторов, которые влияют на формирование и восприятие высказываний.

Функционирование языка в различных сферах деятельности способствует выделению соответствующих дискурсов. Одним из наиболее активно развивающихся на сегодняшний день является медиадискурс, так как СМИ оказывают огромное влияние на жизнь человека, формируя общественное мнение, влияя на образ мыслей и действий. Кроме того, язык, используемый в медиадискурсе, может существенно влиять и на речь человека. По словам Т. Г. Добросклонской, «основной объем речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка...» [2, с. 5]. Ее утверждение о том, что в медиасфере производится и распространяется больше информации и текстов, чем в других областях жизни, позволяет сделать вывод, что именно тексты СМИ отражают основные общественные идеи, социальные устремления, идеалы и культурно-нравственные ценности.

Медиадискурс – сложное явление, включающее не только тексты СМИ, но и экстралингвистические аспекты. Отражая новейшие тенденции и события реальности, медиадискурс помогает понять, как в обществе формируются и распространяются гендерные стереотипы.

В конце XX века, в результате смены научной парадигмы, на первый план выходит изучение языка в неразрывной связи с человеком. По мнению В. А. Звегинцева, формирование новой антропоцентрической парадигмы произошло благодаря осознанию необходимости разграничения двух аспектов изучения языковых явлений – «язык в его состоянии» и «язык в его деятельности». «Если быть до конца честным, то следует признать, что при изучении языка в его состоянии как замкнутой в себе структуры его отношение к человеку, когда оно и постулируется, обычно носит декларативный характер. ... перед исследователем остается лишь автономное и авторитарное образование – язык "в самом себе и для себя"» [3, с. 164]. Именно человек порождает речь и одновременно является ее реципиентом. Помимо того, что язык служит средством общения, он также отражает мировоззрение, мысли и чувства каждого отдельного индивидуума.

В рамках антропологических исследований лингвисты уделяют особое внимание вопросам взаимодействия языка и гендера. Современная наука определяет гендер как категорию, отличную от категории биологического пола человека. Гендер понимается как совокупность социокультурных характеристик, определяющих различия в социальных ролях, нормах и стереотипных представлениях о качествах мужчин и женщин, а также их поведении в обществе. Гендер является не собственно лингвистической категорией, а социокультурной,

однако он имеет лингвистические способы конструирования и проявления, а его сущность можно раскрыть через изучение структур языка. Лингвистические методы формирования гендерной идентичности могут включать использование определённых слов, фраз, выражений и грамматических конструкций. Лингвистические аспекты играют ключевую роль в создании и поддержании гендерных норм и стереотипов.

Гендерная стереотипизация способствует формированию в языковом сознании человека стереотипов маскулинности и фемининности. Лингвист М. В. Гаранович предлагает следующее определение этих стереотипов: «Стереотипы, характеризующие мужчин и женщин с помощью речевого выражения определенных личностных качеств и социально-психологических свойств, в которых отражены общие, групповые и индивидуальные представления о мужественности и женственности.» Другими словами, это «лексемы, которые обозначают социально-психологические характеристики человека, несут определенную смысловую нагрузку и обладают собственными коннотациями» [1, с. 30–31].

В настоящее время одним из ключевых вопросов гендерной лингвистики является сохранение тенденции отражения гендерных стереотипов в языке и речи. Отражаясь на различных уровнях языка, лингвистическая маркированность гендера влияет на формирование гендерных стереотипов и социальных ролей, а также на эффективность коммуникации.

Рассмотрим еженедельную рубрику британской газеты «The Guardian» под названием «Ask Philippa», которая относится к категории «Life and Style». В этой рубрике публикуются статьи в формате «вопрос-ответ», где каждую неделю Филиппа Перри помогает решить личную проблему читателя.

Проанализировав заголовки статей этой рубрики, мы заметили, что большинство из них написаны от лица женщин и содержат целый ряд стереотипов, связанных с фемининностью и маскулинностью. Например, заголовок «My partner ogles other women and it makes me feel unattractive» подкрепляет стереотип о ревности женщин и неверности мужчин [11]. Заголовок «I'm worried my new partner won't love who I really am» отражает стереотип о том, что женщины в отношениях часто тревожны и эмоционально уязвимы [10]. Статья «I have no children and have started to fear for my legacy. What can I do?» привлекает внимание к стереотипу, что главной или единственной целью женщины должно быть материнство и создание потомства для передачи наследия [9].

Продолжая анализировать заголовки англоязычных статей, отметим, что лексика «женских» запросов сосредоточена вокруг таких семантических групп, как семья, брак/отношения, дети и эмоциональные переживания, с характерными лексическими единицами: worried, love, children, fear, feelings. Однако рубрика «Ask Philippa» не является

исключительно женской – в ней также встречаются вопросы от мужчин. В заголовках «мужских» запросов преобладают такие лексические единицы, как *easy, professional, undervalued, qualifications, money*. Это наблюдение подтверждает существующий стереотип о том, что женщинам важнее семья и бытовые вопросы, тогда как мужчинам – карьера и финансы.

В газете «The Guardian» транслирование гендерных стереотипов наблюдается и в рубрике «Leading Questions» категории «Life and Style». Например, статья под заголовком «My boyfriend's behaviour is making me second-guess everything. What should I do?» снова обращает внимание читателя на атрибут фемининности, такой как ревность [4]. В статье «My wife has put on weight and I'm no longer attracted to her. What should I do?» поддерживается стереотип маскулинности о том, что мужчины ценят женщин преимущественно за внешность, что усиливает представление о том, что женщина должна быть объектом привлекательности, игнорируя собственные чувства и здоровье [5].

Важно помнить, что одной из целей любого медиадискурса является привлечение внимания широкой аудитории. На наш взгляд, редакторы этих рубрик могут сознательно использовать гендерные стереотипы в заголовках статей для повышения их читаемости и привлекательности, что в конечном итоге способствует укреплению гендерных предрассудков в обществе.

«Pass Notes» – регулярная сатирическая рубрика в газете «The Guardian», в которой в разделе «Men» представлена статья под названием «Soft jocks: toxic masculinity is out – sensitive men with huge muscles are in» [12]. Заголовок привлекает внимание читателя к изменению общественного восприятия мужественности и предлагает новые представления о том, какими должны быть современные мужчины, а именно: *sensitive, non-threatening, in touch with their feminine sides, but with enormous muscles*. Авторами статьи выступают мужчины, которые в саркастичной форме критикуют эту новую тенденцию. Высмеивая черты фемининности в мужчинах, они выражают свое несогласие и указывают на противоречивость и абсурдность некоторых аспектов («I'm just back from the rodeo – anyone seen my knitting?»). Поскольку статья размещена в мужском разделе, автор намеренно использует лексику, связанную со стереотипными атрибутами фемининности (*soft, sensitive*), противопоставляя их маскулинным чертам (*muscles, jocks*). На наш взгляд, этот пример иллюстрирует неготовность общества к осознанному отказу от стереотипов маскулинности и фемининности.

Рассмотрим еще одну неоднозначную статью в газете «The Guardian», размещенную в разделе «Television & Radio», под заголовком «At the start you get molested and by 45 you're too old to work' – the secret misery of women working in TV» [7]. С одной стороны, броский заголовок привлекает внимание к важной социальной проблеме. Однако, с другой стороны,

важно учитывать, что такие заголовки могут усиливать гендерные предрассудки в обществе. Проблема сексуальных домогательств на рабочем месте касается как женщин, так и мужчин, что часто упускается из виду в подобных обсуждениях.

Кроме того, для привлечения внимания авторы данной статьи используют такие атрибуты фемининности, как внешняя привлекательность, слабость и уязвимость, а также атрибуты маскулинности, такие как агрессивность, доминирование и сила. Это порождает стереотип о том, что все мужчины представляют опасность для женщин, что дает основание утверждать, что данный материал укрепляет гендерные предрассудки.

Статья Кейтлин Моран, английской писательницы и феминистки, вызвала оживленные дискуссии в сети Интернет. Статья под заголовком «Caitlin Moran: what's gone wrong for men – and the thing that can fix them» была опубликована в том же разделе «Men» газеты «The Guardian» [8]. Автор поднимает вопрос о том, что, в отличие от женщин, мужчины испытывают трудности с выражением эмоций и чувств, обращаясь к таким стереотипам маскулинности, как сдержанность и эмоциональная «холодность». Подобные обобщенные представления о маскулинности, предполагающие, что мужчины не могут проявлять слабость или уязвимость и должны быть сильными, независимыми и скрывать свои эмоции, также являются стереотипными и способствуют формированию предвзятых убеждений о том, какими должны быть мужчины.

Подводя итог, можно сделать заключение о том, что гендерные стереотипы по-прежнему сохраняются в сфере массмедиа. Мужчины часто изображаются как сильные, уверенные, доминирующие и агрессивные, тогда как женщины – как заботливые, эмоциональные или уязвимые. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что авторы и редакторы намеренно используют гендерно маркированные единицы речи для привлечения внимания аудитории. Такой подход не только укрепляет существующие гендерные стереотипы, но и способствует появлению новых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаранович М. В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских: монография. – Пермь: ПГНИУ, 2020. – 227 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
3. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – 2-е изд. – М.: УРСС Эдиториал, 2001. – 248 с.
4. Gordon-Smith E. My boyfriend's behaviour is making me second-guess everything. What should I do? [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа:

- <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/mar/29/my-boyfriends-behaviour-is-making-me-second-guess-everything-what-should-i-do> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Gordon-Smith E. My wife has put on weight and I'm no longer attracted to her. What should I do? [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/article/2024/may/24/my-wife-has-put-on-weight-and-im-no-longer-attracted-to-her-what-should-i-do> (дата обращения: 25.05.2024).
 6. Harris Z. S. Discourse Analysis // Language. – 1952. – Vol. 28, No. 1 – P. 1–30.
 7. Healy R. 'At the start you get molested and by 45 you're too old to work' – the secret misery of women working in TV [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/article/2024/may/16/secret-misery-of-women-working-in-tv-television> (дата обращения: 25.05.2024).
 8. Moran C. Caitlin Moran: what's gone wrong for men – and the thing that can fix them [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2023. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/jul/01/caitlin-moran-whats-gone-wrong-for-men-and-the-thing-that-can-fix-them> (дата обращения: 25.05.2024).
 9. Perry P. I have no children and have started to fear for my legacy. What can I do? [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/may/05/i-have-no-children-and-have-started-to-fear-for-my-legacy-what-can-i-do> (дата обращения: 25.05.2024).
 10. Perry P. I'm worried my new partner won't love who I really am [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/article/2024/may/12/im-worried-my-new-partner-wont-love-who-i-really-am> (дата обращения: 25.05.2024).
 11. Perry P. My partner ogles other women and it makes me feel unattractive [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/apr/07/my-partner-ogles-other-women-and-it-makes-me-feel-unattractive> (дата обращения: 25.05.2024).
 12. Soft jocks: toxic masculinity is out – sensitive men with huge muscles are in [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2024. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2024/feb/21/soft-jocks-toxic-masculinity-is-out-sensitive-men-with-huge-muscles-are-in> (дата обращения: 25.05.2024).

ЦЕРКОВНОВ С. А.

**ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА
НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме рассмотрения хронотопа как категории современного англоязычного научного дискурса. Цель исследования – выявить формы вербализации пространственного и темпорального компонентов хронотопа в научных статьях и материалах конференции на образовательно-дидактическую тематику.

Ключевые слова: хронотоп, научный дискурс, пространство, темпоральность, хронотопические свойства, пространственные маркеры, темпоральные маркеры.

TSERKOVNOV S. A.

**CHRONOTOPE FEATURES OF ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE
ON EDUCATIONAL AND DIDACTIC TOPICS**

Abstract. The article is devoted to the issue of considering the chronotope as a category of modern English scientific discourse. The aim of the study is to identify the forms of verbalization of the spatial and temporal components of the chronotope in scientific articles and conference materials on educational and didactic topics.

Keywords: chronotope, scientific discourse, space, time, chronotope features, spatial markers, temporal markers.

В современных дискурсивных исследованиях концепция хронотопа используется для описания категориальных свойств того или иного типа дискурса. Так, В. И. Карасик трактует хронотоп как структурный компонент дискурса, входящий в категорию «условия общения» [1]. Говоря о научном дискурсе, В. И. Карасик определяет его хронотоп как «обстановку, наиболее типичную для научного диалога» [1, с. 230]. Примерами типичного пространства осуществления научного дискурса представлены «зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а также библиотека» [1, с. 230].

Теория хронотопа научного дискурса активно разрабатывается в последние годы. Так, О. Г. Орлова и В. Л. Каракичева определяют хронотоп как «условия порождения дискурса», описывая его как «экстратекстуальный и контекстуальный элемент дискурса» [3, с. 522].

Подобная трактовка также прослеживается в работах Т. А. Полтавец [4], О. А. Обдаловой и О. В. Харापудченко [2], Ю. С. Сергеевой [5] и др.

Говоря о письменной научной коммуникации, О. Г. Орлова и В. Л. Каракичева характеризуют её хронотоп как имеющий «распределенный характер как времени, так и места» [3, с. 523]. В этой связи возникает вопрос о степени релевантности коммуникативной

концепции хронотопа при описании категориальных свойств научного дискурса. Если хронотоп принимается как категория дискурса, он должен быть идентифицируемым и иметь чёткие координаты во всех проявлениях анализируемого дискурса. В случае если хронотоп как условие коммуникации не может быть точно сформулирован, его экспланаторная сила при категоризации научного дискурса видится сомнительной.

Примечательно, что далее в данной работе О. Г. Орлова и В. Л. Каракичева говорят о дискурсивных особенностях научного текста разных дисциплинарных областей, выраженного в использовании в текстах разной отраслевой направленности специальных терминов. Интерес при этом вызывает формулировка «пространство отраслевого дискурса» [3, с. 526], приведенная в отдельности от концепции хронотопа, однако апеллирующая к пространственному компоненту. В этой связи видится возможным перевести взгляд с пространства научного дискурса как условия развёртывания научной коммуникации к потенциальным дисциплинарным границам научного дискурса, определяющим особенности его текстопостроения.

Таким образом, современные исследования рассматривают хронотоп научного дискурса как условия протекания научной коммуникации, безотносительно возможных проявлений пространственно-временных отношений в текстах научных работ. В этой связи целью настоящего исследования стало выявить формы вербализации хронотопа в текстах англоязычного научного дискурса.

Материалом настоящего исследования послужили тексты научных статей и материалов конференции на образовательно-дидактическую тематику, находящиеся в открытом доступе. Научные статьи представлены работами, опубликованными в журнале «The International Journal of Educational Research» (выпуски 124-126, 2024 г.) в количестве 26 единиц. Материалы конференции представлены докладами на конференции «Adult Education Research Conference» (AERC, 2024 г.) в количестве 20 единиц.

В рамках данного исследования будут продемонстрированы формы вербализации хронотопа на примере двух работ как наиболее типичных из проанализированных единиц:

1) статья «Creating classrooms for change: A qualitative study of practices to promote children's skills for adaptability in primary schools in Kigali, Rwanda» [6];

2) доклад «The Impact of Teacher Autonomy on Technology Skills Development among K-12 STEM Educators during the COVID-19 Pandemic» [7].

На первой ступени анализа мы обратились к пространственному компоненту хронотопа научного дискурса, представленному в следующих категориях: место проведения исследования, место написания и место публикации работы.

Как показало исследование, наиболее типичным местом проведения исследования на дидактическую тематику является образовательное учреждение (школа, университет, центр детского образования и т.д.). Например, в статье «Creating classrooms for change...» исследование проводилось в четырёх школах Руанды, что фиксируется в методологическом разделе работы (*in four Rwandan schools*), а также аннотации с уточнением города (Кигали), где расположены данные школы (*in primary schools in Kigali, Rwanda*). В свою очередь авторы доклада «The Impact of Teacher Autonomy...» также маркируют место проведения исследования, а именно, школы штата Арканзас, США, в методологическом разделе работы (*from various schools across Arkansas*).

Однако стоит отметить, что маркировка места проведения исследования зафиксирована в 19 из 46 проанализированных работах (в 13 статьях и 6 материалах конференции). Мы полагаем, что отсутствие эксплицитно вербализованного места проведения исследования в большинстве работ обусловлено их методологическими особенностями. Так, в ряде работ авторы указывают, что проводили сбор данных онлайн (через рассылку по электронной почте, видеосвязи). В подобных случаях фиксация точной географической локации, в которой проходило исследование, не представляется возможной. Помимо этого, некоторые исследования представляют собой обзор литературы по выбранной теме без ярко выраженного практического компонента. Авторы подобных работ также не фиксируют место проведения исследования, поскольку анализ теоретического материала не предполагает строгих географических рамок его проведения. Фактическим местом проведения исследования в данном случае может считаться электронная база данных или библиотека, в которой производился поиск литературы.

Место написания работы, как правило, выражается указанием на место работы автора. Например, в статье «Creating classrooms for change...» место написания фиксируется в затекстовом поле работы и представлено Кембриджским университетом, г. Кембридж, Великобритания (*University of Cambridge, Cambridge, United Kingdom*). При этом в докладе «The Impact of Teacher Autonomy...» информация о месте написания работы расположена на сайте конференции и выражена Университетом Арканзаса, г. Фейетвилль для одного автора (*University of Arkansas, Fayetteville*) и Университетом Западного Мичигана для другого автора (*Western Michigan University*). Как показало исследование, место написания работы автора зафиксировано во всех проанализированных работах.

Место публикации также фиксируется в затекстовом поле работы. Например, место публикации материалов конференции AERC 2024 обозначается на сайте конференции маркировкой города и штата: Лоренсвилль, штат Джорджия (*Lawrenceville, GA*). Однако, место публикации изучаемого научного журнала установить не удалось: журнал «The

International Journal of Educational Research» не фиксирует место своей аффилиации ни в текстах опубликованных статей, ни в затекстовом поле. Причина этого видится в том, исходя из аффилиации членов редакционной коллегии, представленной на сайте журнала, издание объединяет специалистов разных стран (что отражено в названии журнала маркером «international») без конкретной привязки к вузу, городу или стране.

На следующем этапе анализа мы рассмотрели пространственный компонент хронотопа научных работ через их дисциплинарно-тематическое поле. В ходе анализа было выявлено, что дисциплинарно-тематические границы исследования могут быть вербализованы как в тексте работы, так и в её затекстовом поле.

Например, в статье «Creating classrooms for change...» маркеры дисциплинарно-тематического поля выражены сферой образования и представлены в названии журнала (*Educational Research*), описании журнала на сайте (*the field of Education*), а также аффилиацией автора (*Faculty of Education*). Тематика образования также прослеживается в тексте статьи прямым указанием на область исследования (*education research*), а также специфической для данной области терминологией, активно используемой во введении статьи (*education systems, learners, academic outcomes, classroom teachers, pedagogies* и т.д.).

Помимо этого, тематические границы статьи чётко очерчиваются формулированием объекта, предмета и материала исследования. Объект исследования представлен навыками адаптивности учеников (*children's skills for adaptability*), предметом – практика их реализации (*practices*), а материалом – опыт школ Руанды (*in several Rwandan primary schools*). Тематические рамки подчеркиваются вопросами, входящими в границы исследования: автор ставит целью исследования раскрыть практики преподавателей по формированию адаптивности учеников (*practices or behaviours are [...] teachers using to support children's skills for adaptability*) и трудности формирования данных навыков у учеников (*challenges [...] in fostering such competences*). Также авторы указывают на вопросы, выходящие за рамки исследования, а именно культурологический аспект образования Руанды, выраженный концептом *itorero* (*a detailed account of itorero is beyond the scope of this paper*).

Дисциплинарно-тематические маркеры также представлены в докладе конференции AERC 2024. Дисциплинарная область обозначена в названии конференции (*Education Research*), а также ключевых словах на сайте статьи (*Education Administration, Teacher Education*). В тексте доклада дисциплинарность прослеживается через маркеры *education theory, andragogy, pedagogy*, а также терминологические единицы дидактики (*teaching and learning, STEM education, learning experience, forms of teaching* и т.д.).

Тематические рамки доклада также устанавливаются формулированием объекта, предмета и материала исследования. Объектом исследования выступает автономность преподавателей в сфере профессионального развития (*teacher autonomy in professional development*), предметом – факторы и последствия (*factors [...] and its impact*), а материалом – опыт STEM-учителей (*STEM teachers*). Установленные объект, предмет и материал исследования дублируются далее при формулировании исследовательских вопросов, что подчеркивает выделенные ранее тематические границы исследования.

В ходе проведенного анализа было выявлено, что маркеры дисциплинарно-тематического пространства в той или иной форме обнаружены во всех проанализированных работах.

Темпоральный компонент хронотопа научного дискурса, как показало исследование, представлен следующими формами: темпоральность публикации, темпоральность истории вопроса, темпоральность актуальности и темпоральность дальнейших исследований.

Темпоральность публикации фиксируется в затекстовом поле работы. В исследуемой научной статье данный параметр обозначен темпоральными маркерами получения, редакции, принятия статьи, а также размещения работы в открытый доступ: *Received 2 February 2023; Received in revised form 21 December 2023; Accepted 30 December 2023; Available online 13 January 2024* [6, с. 1].

Проанализированные материалы конференции, в свою очередь, маркируют темпоральность публикации только годом издания: 2024.

Темпоральность истории вопроса фиксируется в виде темпорального маркирования использованных в работе ранее изданных трудов. Данные маркеры прослеживаются в списке литературы, а также могут быть представлены лексическими единицами с темпоральной семантикой в тексте работы.

Например, в статье «Creating classrooms for change...» темпоральность истории вопроса составляет 28 лет, поскольку наиболее ранний цитируемый источник датирован 1995 годом, а наиболее поздний – 2023 годом. Лексическая темпоральность истории вопроса в тексте статьи представлена указанием на ранее проведенные исследования маркерами *recent* и *earlier*:

1. *Several recent studies in particular provide insight on the reality ...* [6, с. 2];
2. *... built on the findings of an earlier related study* [6, с. 5].

Материалы конференции также содержат подобные маркеры. Так, в докладе «The Impact of Teacher Autonomy...» список литературы позволяет выявить, что темпоральность истории вопроса доклада составляет 19 лет (2005-2024 гг.). Лексическая репрезентация темпоральности истории вопроса представлена маркерами «*recent*» и «*previous*»:

3. *Recent studies, like ...* [7, с. 2];

4. *These findings support previous research ...* [7, с. 3].

Темпоральность актуальности, маркирующая степень релевантности научного исследования современным тенденциям, также находит отражение в научных текстах на образовательно-дидактическую тематику.

Например, в статье «Creating classrooms for change...» темпоральность актуальности вербализуется указанием на глобальные проблемы современности (5), особенности обучения двадцать первого века (6) и важность рассматриваемых компетенций в относительно недавний период пандемии (7):

5. *... trends and issues in recent decades, such as climate change, globalization...* [6, с. 1];

6. *... interest in more holistic aspects of so-called '21st-century' learning* [6, с. 1];

7. *... such competences indeed became evident during the COVID-19 pandemic* [6, с. 1].

Рассматриваемый доклад конференции AERC 2024 также маркирует темпоральность актуальности через указание на современные тенденции в STEM-преподавании темпоральной лексемой «recent»: *Recent trends in technology-enhanced STEM education include...* [7, с. 2].

Темпоральность дальнейших исследований отражает возможность продолжения работы в рамках темы в будущем. В ходе анализа выявлено, что темпоральность дальнейших исследований фиксируется в заключительном разделе работы маркерами «future» и «further».

Так, в заключительном разделе статьи «Creating classrooms for change...» автор указывает на возможность продолжения исследования с позиции детской психологии и нейронауки, используя лексему «further»: *[...] further studies drawing on child psychology and neuroscience [...] may provide additional insights [...]* [6, с. 11].

В докладе “The Impact of Teacher Autonomy...” авторы также указывают на потенциал дальнейшего исследования условий профессионального развития учителей в области технологии, в данном случае с помощью лексемы «future»: *[...] a need for future research to more deeply investigate the conditions under which PD most effectively translates into technology integration [...]* [7, с. 3].

Стоит отметить, что рассмотренные формы темпоральности проявляют разный уровень частотности в проанализированных работах:

- темпоральность публикации обнаружена в 46 из 46 работ;
- темпоральность истории вопроса – в 46 из 46 работ;
- темпоральность актуальности – в 38 из 46 работ;
- темпоральность дальнейших исследований – в 30 из 46 работ.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать ряд выводов. Пространственный компонент хронотопа представлен географической аффилиацией научного текста, выраженной местом проведения исследования, местом написания и местом публикации научной работы, а также дисциплинарно-тематическими границами научного исследования. Темпоральный компонент хронотопа научного дискурса актуализируется в следующих формах: темпоральность публикации, темпоральность истории вопроса, темпоральность актуальности и темпоральность дальнейших исследований.

В ходе исследования особое внимание было обращено на методологию научного исследования, а именно, специфику пространственных характеристик хронотопа научного исследования в аспекте его методологического компонента. В дальнейшем предлагается рассмотреть потенциальные связи хронотопических свойств научного текста с его методологической составляющей для установления конститутивных характеристик хронотопа научного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Обдалова О. А., Харापудченко О. В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности // Язык и культура. – 2018. – № 43. – С. 88–113.
3. Орлова О. Г., Каракчиева В. Л. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования // СибСкрипт. – 2021. – № 2 (86). – С. 521–531.
4. Полтавец Т. А. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов // Филология и человек. – 2016. – № 4. – С. 147–156.
5. Сергеева Ю. С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации // Казанский лингвистический журнал. – 2020. – № 4. – С. 361–372.
6. Bayley S. H. Creating classrooms for change: A qualitative study of practices to promote children's skills for adaptability in primary schools in Kigali, Rwanda [Электронный ресурс] // International Journal of Educational Research. – 2024. – Vol. 124. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035523001763> (дата обращения: 28.09.2024).
7. Niu Y., Lee Y., Li B. The Impact of Teacher Autonomy on Technology Skills Development among K-12 STEM Educators during the COVID-19 Pandemic

[Электронный ресурс] // Adult Education Research Conference. – 2024. – Режим доступа: <https://newprairiepress.org/aerc/2024/papers/15> (дата обращения: 28.09.2024).

БАРАШКИНА А. С.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ФРАГМЕНТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ФУНКЦИИ СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ**

Аннотация. В данной статье представлено исследование информативности сильной позиции в английском поэтическом тексте XVIII–XIX вв. В этой связи были рассмотрены типы информации, представленные в заголовках, первых строфах и последних строфах поэтических произведений. Был сделан вывод о многоаспектности информационного потенциала сильных позиций англоязычного поэтического текста.

Ключевые слова: сильная позиция, поэтический текст, строфа, рифма, ритмика, информация.

BARASHKINA A. S.

**INFORMATION STRUCTURE OF ENGLISH POETIC TEXT FRAGMENTS
IN THE FUNCTION OF STRONG POSITION**

Abstract. The article deals with the information provided in the strong position of English poetic text of the XVIII-XIX centuries. In this connection, the types of information provided in the titles, first stanza and last stanza of the poetic works are analyzed. A conclusion is made on the diversity of information provided in the strong position of English poetic text.

Keywords: strong position, poetic text, stanza, rhyme, rhythm, information.

В современной лингвистике прочно утвердилось рассмотрение текста как основной единицы коммуникации. Коммуникация же предполагает передачу и восприятие некоторого содержания, или информации. Интерес к понятию информации, как отмечает В. М. Калимуллина, возник в конце 40-х годов XX века с появлением теории информации. Термин «информация», при его внедрении в лингвистику, потребовал определенного приспособления к объекту лингвистического исследования – тексту [3].

Понятие информации в применении к тексту было разработано И. Р. Гальпериним, который утверждает, что информация, как основная категория текста, различна по своему прагматическому назначению. И поэтому представляется целесообразным различать информацию: а) содержательно-фактуальную (СФИ), б) содержательно-концептуальную (СКИ), в) содержательно-подтекстовую (СПИ) [2, с. 27]. Под содержательно-фактуальной информацией понимается информация о фактах, событиях, процессах, происходящих в окружающем мире. Содержательно-концептуальная информация сообщает читателю авторское понимание отношений между явлениями, которые были описаны в СФИ.

Содержательно-подтекстовая информация представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ.

Информация, получаемая из каждого вида текста, в некоторой степени предопределяется его жанром. Как любой текст, стихотворный поэтический текст характеризуется информативностью. Он способен особым образом передавать заложенную в него поэтом информацию. Одной из особенностей поэтического текста является то, что очень часто информация в нем может быть передана с помощью формы, так как в поэзии стихотворная форма тесно сопряжена с содержанием. Так, например, сонет – лирическое стихотворение, состоящее из четырнадцати строк. Обычно содержание сонета передает эмоции, чувства, мысли, внутреннее состояние героя. Еще одним примером является поэтического текста является триолет – стихотворение, состоящее из восьми строк. Это стихотворение шуточное и игривое по тону, но оно может с большим изяществом выразить и серьезное содержание [5, с. 319].

Поэтический текст, как и любое другое литературное произведение, нацелен на читателя. В этой связи характерной особенностью поэтического текста, как отмечает Е. А. Атаева, является наличие субъективно-оценочной характеристики предмета мысли, его модальность, выраженная не отдельными словами и выражениями, а всем произведением [1, с. 83]. Именно интерес к выявлению авторского отношения к описываемому заставил обратиться к проблеме информативности поэтического текста.

Заголовок первое, что привлекает читателя в любом типе текста и поэтический текст не является исключением. Как и любой другой элемент текста, заголовок несет в себе определенную информацию. Роль заголовка в тексте очень велика и это объясняется тем, что он является актуализатором практически всех текстовых категорий.

Заголовок является первым элементом, по которому читатель может судить о содержании всего стихотворного произведения. Большинство англоязычных поэтических текстов XVIII–XIX вв., проанализированных в данной работе, имеют антропонимические заголовки ("*Beppo*", "*Lucy Gray*", "*Ruth*", "*Michael*", "*Christabel*", "*Tamerlane*"). Однако есть заголовки, которые актуализируют локально-темпоральную категорию ("*The City in the Sea*", "*Upon Westminster Bridge*") и категорию антропоцентричности ("*The Corsair*", "*The Sleeper*").

По заголовкам антропонимического характера можно сразу понять, что в произведении речь пойдет о жизни данного героя, его судьбе, его чувствах и переживаниях и т.д. Благодаря таким заголовкам, читатель получает информацию об имени главного героя, т.к. обычно в заголовок выносятся именно имена главных действующих лиц. Есть заголовки, включающие сразу несколько имен действующих лиц ("*Herod's Lament for Mariamne*", "*Vaudracour and Julia*"). По таким заголовкам можно сказать о том, что в произведении будут

показаны взаимоотношения героев, в частности, в поэме *"Vaudracour and Julia"* будет говориться о любви этих двух героев.

Заголовки, выражающие локально-темпоральную категорию, сообщают читателю информацию о месте или времени действия. Например, одна из поэм Д. Китса имеет в качестве своего заголовка название одного из праздников – *"The Eve of St. Agnes"*. По этому названию легко догадаться, что речь в поэме пойдет об этом празднике, о его обычаях и о каком-то событии, происшедшем на нем. Но были отмечены и поэтические тексты, заголовки которых носят обобщенный характер, поэтому по ним трудно судить о характере самой поэмы (*"When the Lamp is Shattered"*, *"In Broken Images"*).

Говоря о начале текста, прежде всего, необходимо выработать определение того, что является началом поэтического текста. Так как для данного исследования был взят стихотворный поэтический текст, то необходимо отметить, что на базе этого текста совершенно по-особому представляются категории, которые были определены на текстах прозаических. В частности, совершенно по-иному должен решаться вопрос о сильной позиции текста. Если на базе прозы под «началом» текста принято понимать жестко ограниченный объем первого абзаца, то к стихотворному тексту это не применимо. Началом и концом стихотворного поэтического текста целесообразным представляется считать первую и последнюю строфы произведения.

Из начальных фрагментов некоторых поэм мы можем получить информацию о времени их действия. Примером может послужить начало поэмы С. Кольриджа *"Christabel"*:

*'Tis the middle of night by the castle clock,
And the owls have awakened the crowing cock,
Tu - whit! - Tu - whoo!
And hark, again! the crowing cock,
How drowsily it crew.*

Существуют поэмы, из начального фрагмента которых можно получить информацию о субъекте, а также о времени и месте их действия. Так, например, в поэме У. Вордсворта *"The Reverie of Poor Susan"* мы сталкиваемся с подобным случаем:

*At the corner of Wood Street, when daylight appears,
Hangs a Thrush that sings loud, it has sung for three years:
Poor Susan has passed by the spot, and has heard
In the silence of morning the song of the Bird.*

Также как в лиро-эпических произведениях, начало некоторых лирических стихотворений может начинаться с вопросов, представленных в виде авторской или персонажной речи, например, стихотворение Д. Китса *"On Death"* :

*Can death be sleep, when life is but a dream,
And scenes of bliss pass as a phantom by?
The transient pleasures as a vision seem,
And yet we think the greatest pain's to die.*

В данном примере вопрос носит риторический характер, выраженный в форме авторской речи, и с точки зрения прагматического воздействия такие вопросы наиболее эффективны.

Наряду с начальным фрагментом текста, к сильной позиции относят также и конец произведения. Что касается поэтического текста, то конечный фрагмент в нем соответствует последней строфе произведения.

Конечные отрывки поэтических произведений также обладают разным содержанием. Не все концы поэтических произведений носят четко выраженный характер конца произведения. Иногда это могут быть рассуждения героя или автора, иногда это чувство героя, его внутреннее состояние. Такие концы, по определению В. А. Кухаренко, называются открытыми [4, с. 131]. Примером такого конца может послужить поэма С. Кольриджа *"The Pains of Sleep"*:

*Such griefs with such men well agree,
But wherefore, wherefore fall on me?
To be beloved is all I need,
And whom I love, I love indeed.*

Но встречаются отрывки, в которых ясно прослеживается конец сюжета. В. А. Кухаренко такие концы называет закрытыми. Чаще всего конец такого типа связан со смертью героя, например, поэма Д. Китса *"Isabella, or The Pot of Basil"* заканчивается гибелью героини:

*And so she pined, and so she died forlorn,
Imploring for her Basil to the last.
No heart was there in Florence but did mourn
In pity of her love, so overcast.*

Иногда в конце произведения поэт обращается к музе или к читателю, как, например, это делает Дж. Байрон в поэме *"The Age of Bronze"*:

*Guildhall grows Gael, and echoes with Erse roar,
While all the Common Council cry "Claymore!"
To see proud Albyn's tartans as a belt
Gird the gross sirloin of a city Celt,
She burst into a laughter so extreme,*

That I awoke and - lo! it was no dream!

Here, reader, will we pause: - if there's no harm in

This first - you'll have, perhaps, a second "Carmen".

Такие концы привлекают внимание читателя, заставляют его задуматься над поэмой и сделать для себя определенные выводы.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что поэтический текст обладает большим информационным потенциалом. Это объясняется тем, что наряду с информацией, получаемой читателем из содержания произведения, он получает также информацию из сильной позиции текста, которая во многом определяется формой речи, с которой начинается то или иное произведение. В начальном фрагменте поэтического текста читатель может получить информацию о субъекте действия, о месте и времени действия, а также о признаках, оценке, передаваемых с помощью различных лексических средств. Все начальные отрывки отличаются информационной насыщенностью. Начала некоторых поэтических произведений содержат несколько пластов информации, в то время как начала других – только один из пластов. Таким образом, информация в начальных фрагментах поэтического текста дозируется неравномерно. В конце произведения информация также зависит от формы речи, с помощью которой она передается. Все конечные фрагменты можно разделить на «открытые» и «закрытые», причем для данного исследования наибольший интерес представляют «открытые» концы, так как они оказывают на читателя воздействие и побуждают его к размышлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаева Е. А. Поэтический текст как источник информации // Лингвистические исследования художественного текста: Сб. науч. тр. – Ашхабад: Минвуз ТССР, 1987. – С. 83–91.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2020. – 140 с.
3. Калимуллина В. М. Роль глагольных единиц в реализации информативной функции языка в тексте / Издание Башкирск. ун-та. – Уфа, 1996. – 164 с.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Флинта, 2019. – 190 с.
5. Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1983. – 422 с.

НИКИТИНА А. Э.

**ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Аннотация. В статье рассматривается лингвокреативность как средство передачи информации в интернет-среде. В этой связи проводится лингвистический анализ англоязычного интернет-мема. В результате выявлены языковые средства создания комического эффекта и сделан вывод о том, что лингвокреативность является неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: лингвокреативность, интернет-мем, языковые средства, языковая игра.

NIKITINA A. E.

**LINGUISTIC CREATIVITY AS COMPONENT
OF ENGLISH COMMUNICATION IN DIGITAL AGE**

Abstract. The article considers linguistic creativity as means of transferring information in the Internet communication. In this connection, a linguistic analysis of the English Internet meme is carried out. As a result, language means of creating comic effect are identified and linguistic creativity is proved to be an integral part of modern Internet communication.

Keywords: linguistic creativity, Internet meme, language means, play on words.

Пользователи всемирной паутины активно проявляют свое творчество в сети, не только через публикации своих фотографий и видео, но также и через интернет-мемы. При создании мемов часто используется языковая игра, в основе которой лежит юмор и комическое начало. Языковая игра или лингвистика креатива характеризуется отклонением от норм, узнаваемым носителями языка.

Слово «креатив» пришло в русский язык благодаря рекламному бизнесу и является калькой с английского «creative» – творчество, творческий. Под креативом понимают «творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности» [1, с. 147].

Использование творчества в языке побудило ученых-лингвистов создать направление «лингвистика креатива», основоположниками которого стали учёные Екатеринбургской лингвистической школы во главе с профессором Т. А. Гридиной, которая отметила, что лингвокреативность помогает найти более интересный и креативный способ для самовыражения, опустив стандартные языковые схемы. Языковая компетенция также влияет на уровень лингвистики креатива, так как без должных знаний грамматики, лексики, умения

воспринимать и порождать тексты, говорящему будет сложно проявить творческий потенциал в языковой игре [2, с. 14].

Вклад в развитие теории лингвокреативности привнес американский лингвист Н. Хомский, который трактовал её как «врожденную языковую способность человека применять языковые навыки, позволяющие производить новые словосочетания и предложения» [3, с. 6]. Каждый человек, обладающий навыком лингвокреативности, способен выразить новый смысл с помощью своих языковых навыков.

Лингвокреативность принято трактовать, как особый вид мышления, которое использует навыки вербализации и девербализации. В лингвокреативном мышлении присутствует две стороны: первая отражает окружающий мир личности, а вторая связана с языковыми ресурсами. В своей работе Т. А. Гридина выделяет следующие особенности лингвокреативного мышления:

- оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений;
- реализация потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии плана выражения и плана содержания знака;
- проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности [2, с. 11-12].

Как психологический феномен, лингвокреативность понимается как «способность игнорировать стандартные способы мышления, как высший мыслительный процесс» [4, с. 14]. Х. К. Трик выделил следующие основные параметры креативности:

- оригинальность, то есть умение создавать отдаленные ассоциации;
- семантическая гибкость – способность определить главное свойство объекта и предложить новый вариант его использования;
- образная адаптивная гибкость – способность видоизменить форму стимула, чтобы выявить в нем новые свойства;
- семантическая спонтанная гибкость – способность генерировать разнообразные идеи в случайных ситуациях [5, с. 298-303].

На основании вышеизложенного, мы можем рассмотреть понятие лингвокреативности в широком и узком смыслах. В широком понимании «лингвокреативность – это составляющая коммуникативной компетенции, готовность к самостоятельному продуцированию нетривиальных высказываний с использованием разнообразных языковых средств» [6, с. 2]. В узком смысле лингвокреативность понимают, как «способность создавать новые языковые

единицы, новые комбинации уже существующих фонем, морфем, лексем, употреблять средства языка в новых значениях, применять различные приемы языковой игры» [7, с. 2].

Лингвокреативность является неотъемлемым аспектом развития языка, так как отражает творческую способность людей использовать язык для выражения своих идей, адаптировать их под ситуацию и создавать новые формы коммуникации. Так, лингвистика креатива часто используется при создании интернет-мема – «комплексного феномена интернет коммуникации, представляющего собой целостную, завершённую единицу с текстом и картинкой» [8, с. 2]. Мы рассмотрим различные языковые игры – явления, когда говорящий играет с формой речи, которые используются в создании актуальных интернет-мемов.

Комичность ситуации во многих англоязычных интернет-мемах может быть создана с помощью фонетической языковой игры, то есть игры на созвучии. В интернет-пространстве наиболее частотными являются мемы, в которых сравниваются американский и британский английский. Вызывает интерес пример различия в произношении австралийского от привычного нам американского английского (рис. 1). Солдат владеющий американским английским спрашивает другого “Did you come here to die?” (пер. Ты пришел сюда умереть?), на что австралиец отвечает “No Sir! I came here yesterday!” (пер. Нет, Сэр! Я пришел сюда вчера!). Недопонимание происходит на почве специфики характерного произношения двух видов диалекта английского языка. Американская речь характеризуется небрежностью и резкостью, а также является сама по себе очень импульсивной и быстрой – отсюда американцы часто проглатывают конец слов или предложений. В это же время, австралийцы очень спокойны во время разговора и предпочитают мелодичность речи. Поэтому австралийский солдат вместо нужного «to die» (умереть), услышал «today», что переводится как «сегодня». Именно фонетические особенности диалектов, основанные на различиях акцентов английского, сделали эту ситуацию комичной.

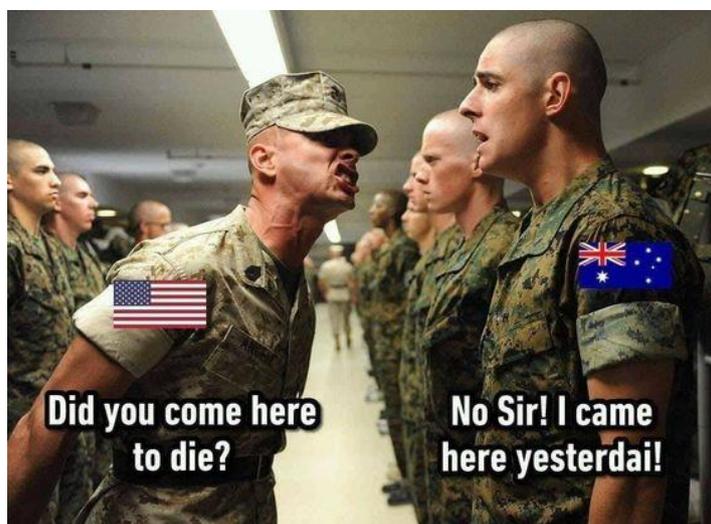

Рис. 1. Интернет-мем № 1.

Интерес вызывает интернет-мем основанный на грамматическом аспекте языка (рис. 2). В первую очередь нужно выделить визуальную часть мема: нам представлен вид мема, где картинка представляет собой шаблон. На картинках изображен Винни-Пух, однако на каждой он представляется нам в разном облики. На первой картине медведь показан в привычном нам виде, соответственно, отражая обыденность и естественное положение вещей. На втором изображении нам представлен Винни-Пух в смокинге, отражая элитарность и свое интеллектуальное превосходство. Обращаясь к грамматике английского языка, мы знаем, что отрицательная форма вспомогательного глагола формируется с помощью прибавления к начальной форме глагола частички «not» или же её сокращение «n't». Таким образом, в обычной жизни мы бы ответили, как первый Винни-Пух – “It is not funny” (пер. Это не смешно), но если бы мы хотели выразиться более «остроумно», то вероятно сказали бы как второй медведь – “hahan't”. Таким ответом мы «отрицаем» смех, добавляя к нему частичку «not» в сокращенном варианте, придавая ситуации ироничный оттенок.

Рис. 2. Интернет-мем № 2.

Авторам интернет-мемов необязательно задумываться о сложении двух слов и придумывать им подходящий контекст для комедийности. В этом случае они берут слово и выбирают из него слова, составляя ассоциации, как в следующем примере (рис. 3). На данном меме изображен известный английский поэт – Уильям Шекспир. Реципиенту представляется небольшой стрип-комикс: на первой табличке мы наблюдаем портрет Уильяма и его имя, на второй – груша, а на третий развязка мема – Уильям трясет грушу. Лингвокреативность проявляется в составлении ассоциаций на слова, которые были «извлечены» из фамилии поэта. Если разобрать его фамилию – Shakespeare, то сможем получить два слова «shakes» и «rear», что соответственно переводятся как «трясти» и «груша». Отсюда мы получаем игру

слов, которая отображается на картинке, где великий английский драматург Уильям трясет грушу.

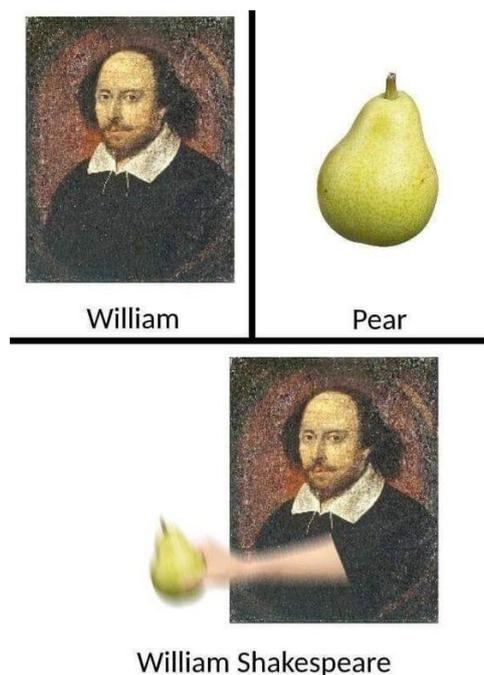

Рис. 3. Интернет-мем № 3.

В цифровую эпоху лингвокреативность является отличительным элементом коммуникации, который активно проявляется в интернет-мемах. Пользователи сети Интернет при создании мемов используют не только свои знания языка, но и умения адаптировать их к конкретной ситуации, в результате чего возникает комичный оттенок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса // Лингвистика креатива-2: коллективная монография; под ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 147–165.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2008. – 166 с.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 129 с.
4. Amabile T. Social Psychology of Creativity: A Consensual Assessment Technique // Journal of Personality and Social Psychology. – 1982. – Vol. 43. – P. 997–1013.
5. Трик Х. К. Основные направления экспериментального изучения творчества: хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 400 с.

6. Дондик Л. Ю. Развитие лингвокреативности в процессе обучения иностранному языку // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Нижний Тагил, 2021. – № 2. – С. 95–98.
7. Павлова Ю. А. Рекламный текст как элемент рекламного дискурса // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Челябинск, 2019. – № 44. – С. 221–225.
8. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2017. – № 28. – С. 84–90.

СВЯТКИН Н. С.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА VIOLENCE
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства реализации концепта VIOLENCE на примере текста художественного произведения Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange». Автор даёт подробную характеристику «насилию» как лингвистическому концепту, а также проводит анализ лексических средств его репрезентации в художественном тексте и их функционально-прагматической направленности.

Ключевые слова: насилие, концепт, агенс, пациенс, бенефактив, инструмент, лексика.

SVYATKIN N. S.

LEXICAL MEANS OF REALIZATION OF THE CONCEPT OF VIOLENCE

Abstract. The article considers the vocabulary used to represent the concept of violence in the literary text “A Clockwork Orange” by A. Burgess. The author gives a detailed description of violence as a linguistic concept and presents an analysis of the lexical means of its representation in the literary text in connection with their functional and pragmatic characteristics.

Keywords: violence, concept, agent, patient, beneficiary, instrument, vocabulary.

Данное исследование посвящено изучению концепта VIOLENCE (рус. «насилие») и лексическим средствам его реализации в тексте художественного произведения на английском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные американские и британские писатели регулярно прибегают к изображению насилия в своих произведениях. В этой связи лингвистический анализ поможет определить прагматическую установку, которую реализуют авторы при показе сцен соответствующего содержания. Цель данной статьи – определить лексические средства реализации концепта VIOLENCE в художественном тексте, а также их функционально-прагматическую направленность.

Материалом исследования послужило произведение британского автора Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange» (рус. «Заводной апельсин»). За основу берётся американское издание с полным количеством глав на английском языке.

Теоретической и методологической базой исследования послужили работы таких ученых, как Дементьева Я. С., Шагако Д. С., Дорофеева А. Ю., Родина В. А., Рыкунов С. В., Каропа И. Г., Поляков Е. В., Лашевич Е. П., Григорьева В. С., Зайцева В. В., Жеребило Т. В., Ищенко Е. С., Жданова Е. С., Еленская К. В., Засыпкин С., Моуа S. A, Николич М., Панкрашова А. В., Мазепа Е. М.

Как известно, насилие в качестве художественного тропа литературного произведения используют достаточно давно. Однако в соответствующих научных исследованиях данный вопрос освещался не полностью, а также в некоторой мере игнорировались результаты других работ. Так, некоторые исследователи не различают понятия «насилие» и «агрессия», которые, как было выяснено, не являются тождественными [1; 2]. Далее, во многих трудах насилие рассматривалось как универсальное для всех художественных произведений понятие [3], несмотря на то, что в каждом жанре оно реализуется по-разному, поскольку имеет разные прагматические установки [4; 5; 6; 7].

Обобщив результаты предыдущих исследований, мы выявили, что насилие отличается от агрессии: 1) социальной обусловленностью, 2) субъективностью, 3) отрицательной коннотацией. Кроме того, общим для всех произведений, где изображается насилие, является необходимость произвести впечатление на читателя и поддержать его интерес, а также предупредительная функция. Однако при анализе соответствующих жанров становится понятно, что в одних концентрируется внимание на подробном и красочном изображении самого акта насилия и атмосферу книги, в других – на морально-этических вопросах применения насилия, на несправедливость насилия и на выражения протеста с целью самоидентификации.

Далее мы выявили, что авторы выделяют различные способы передачи концепта «насилие», такие как предложения, тексты, дискурсивные практики и целые произведения [8]. Исследователи выявили таких участников акта насилия, как агент, пациент, бенефактив и инструмент [9], причём последние делятся на инструменты невербального и вербального насилия [10]. Более того, другие работы показывают, что в художественном тексте существуют две главные категории слов, связанных с концептом «насилие», а именно «слова, фиксирующие в семантике разнообразные формы насилия» и «слова, являющиеся инструментом языкового и речевого насилия» [11]. Первая категория классифицируется синонимами с различной интерпретацией насилия (брать силой, заставлять, насильничать, принуждать и др.) и квазисинонимами. Вторая – словами, изображающие бытовое насилие в виде ультимативных предложений, ярлыков, инвективы [12] и угрозы.

С точки зрения жанровой принадлежности, рассматриваемое произведение принято относить к антиутопии, однако писатель отходит от её традиционных характеристик. Так, многие исследователи творчества Э. Бёрджесса считают, что «Заводной апельсин» отличается от других утопий тем, что 1) общество, показанное в книге, только ещё находится в предутопичном состоянии [13], 2) главный герой не нацелен на борьбу с тоталитарным государством [14], 3) подавление личности показано при помощи попытки государства избавить главного героя от тяги к «ульта-насилию» [15]. Таким образом, Мазепа Е. М.

приходит к выводу, что «основным комплексом проблем» сюжета являются «целесообразность вмешательства в человеческую психику, манипулирование личностью, маргинализация общества <...>» [16].

Проведенный лингвистический анализ показал, что текст художественного произведения «A Clockwork Orange» богат лексическими повторами, конверсией, лексемами определённой семантической и стилистической направленности, а также авторскими сленгизмами.

Одним из примеров лексического повтора является предложение: «...with one fair boot on the Gulliver he was out and out and out» [17, с. 35]. Стоит отметить, что больше всего повторяется связка предлог «and» + глагол/указательное местоимение и редко существительное, которую автор намеренно использует в большом количестве для определённых целей, а именно 1) обеспечить связную структуру текста; 2) усилить эффект сцены насилия; 3) увеличить накал, что позволяет создать элемент действия внутри сцены: «So I was kicked and punched and bullied off to the cells and put in...» [17, с. 103]; «...locking her rookers from the back, while I ripped away at this and that and the other...» [17, с. 44]; «...his platties were a disgrace, all creased and untidy and covered in cal and mud and filth and stuff...» [17, с. 31].

Писатель ярко изображает различные инструменты насилия через лексемы определённой семантической и стилистической направленности, а также конверсию. Так, самыми часто употребляемыми орудиями нанесения вреда становятся «rooker», «fists», «boot», «knives», «nozh», «britva», «oozy». Данные существительные почти всегда идут в сочетании с прилагательными или существительными, которые описывают для чего именно необходим тот или иной инструмент («cut-throat britva», «flick-type nozh»), а также показывают отношение агенса к инструменту («ringy fist», «fair boot», «a real kick», «snaking oozy», «crappy wood walking-stick»), либо они сами являются описательной характеристикой других предметов, вещей и явлений («old boot crash», «boots for kicking», «nozh holding rooker»).

Для передачи нанесения вреда инструментами автор использует соответствующие глаголы «slash», «prod», «kick», «tolchok», «stab», «cut», «crack», «hit», «beat», «punch», а также фразовые глаголы «bully off», «deal out», нейтральные глаголы, которые, на первый взгляд, никак не относятся к акту насилия, «give», «deliver», «have», «put», «grab», «go», и звукоподражательные глаголы «swish», «whish», «bang». Особый интерес представляют отымённые глаголы, образованные конверсией от существительных. Самыми часто употребляемыми существительными для конверсии становятся «fist», «boot», «knife», «chain». Наглядными примерами употреблений таких глаголов служат эпизоды из первой части книги, где насилие описывается в сценах уличных драк и грабежей: «But when Dim fisted him a few times on his filthy drunkard's rot...» [17, с. 32]; «...finishing up by booting his nagoy plot...» [17,

с. 142]; «There'll be life like down here most likely, with some getting knifed and others doing knifing» [17, с. 37]; «he chained me gently and artistic like on the glazlids...» [17, с. 95]. Можно прийти к выводу, что оружие и лексемы, изображающие его или каким-либо образом связанные с ним, являются важной составляющей при описании автором сцен насилия в произведении.

Стоит отметить придуманный автором сленг «надсат», который также имеет важное значение при описании сцен насилия. Так, самыми частотными авторскими сленгизмами насилия являются «tolchock», «bratchny», «drat», «grashzny», «krovvy», «merzky», «noz», «oobivat», «oozy», «platch», «poogly», «razrez», «britva» и др. Примерами использования данных слов служат следующие предложения: «...cracked her a fine fair tolchock...» [17, с. 94]; «...if I just gripped his ankles with my rookers tight round them and brought this grashzny bratchny down to the floor» [17, с. 170]; «so there we were dratsing in the dark» [17, с. 35]; «I had just ticklewicked his fingers with my britva, and there he was looking at the malenky dribble of krovvy that was redding out in the lamplight» [17, с. 81]. Рассмотрев случаи употребления единиц языка «надсат», мы пришли к выводу, что они являются неотъемлемой частью всех сцен насилия, которая помогает автору погрузить читателя в мир главного героя и его отношение к рассматриваемому концепту.

Стоит отдельно выделить психологическое насилие, которое проявляется как со стороны главного героя, так и на него самого. В произведении было найдено два ярких примера, иллюстрирующих рассматриваемое явление. Так, в книге описывается сцена сексуального насилия банды Алекса над женой писателя. Автор намеренно сводит на минимум описание акта насилия, используя стилистически нейтральные глаголы «do», «lock», «grip», «hold», и концентрируется на психологическом насилии, которое испытывает муж, выступающий бенефактивом насилия: «I could slooshy cries of agony and this writer bleeding veck that Georgie and Pete held on...» [17, с. 45]. В свою очередь, становясь пациентом насилия, главный герой часто использует словосочетание «feel sick»: «...all that happened was I felt sick with viddyng that...» [17, с. 161]. Так, автор даёт понять, что психологическое насилие может оказаться таким же ужасным и бесчеловечным, как и физическое.

В результате было выявлено, что в проанализированном тексте художественного произведения концепт VIOLENCE представлен в трёх категориях: 1) физическое насилие со стороны главного героя (пример: «I cracked this veck who was sitting next to me and well away and burbling a horrorshow crack on the ooko or earhole, but he didn't feel in and went on...» [17, с. 20]); 2) воображаемое насилие со стороны главного героя (пример: «Our pockets were full of deng, so there was no real need from the point of view crasting any more pretty polly to tolchock some old veck in an alley and viddy him swim in blood while we counted the takings and divided by

four, nor to do the ultra-violent on some shivering starry grey-haired ptitsa in a shop and go smecking off with the till's guts» [17, с. 17]); 3) реальное физическое или психологическое насилие над главным героем (пример: «Then I was tripped up and was on the floor and was being kicked at...» [17, с. 196]). Во всех трёх категориях представлены лексические средства реализации концепта VIOLENCE, которые были определены выше.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что VIOLENCE – многоплановый и полифункциональный концепт, который вербализуется автором в зависимости от жанра, проблематики и коммуникативной направленности произведения. Проведя анализ текста Э. Бёрджесса «A Clockwork Orange», мы установили, что лексические средства реализации концепта VIOLENCE несут в себе функционально-прагматический аспект. Лексика книги богата повторами, случаями конверсии, в частности, отымёнными глаголами, а также лексемами, в семантике которых заключён посыл насилия либо явно выраженная связь с ним, а также квазисинонимы. Важно отметить влияние сленгизмов, которые также подвержены влиянию вышеперечисленных процессов и помогают читателю смотреть на сцены насилия от первого лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьева Я. С. Реализация концепта «насилие» в произведениях американских писателей // Молодой ученый. – 2017. – № 46 (180). – С. 337–339.
2. Шагако Д. С. Агрессия и насилие в контексте социальных взаимодействий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 1. – С. 134–141.
3. Дорофеева А. Ю., Родина А. В. Границы описания насилия допустимые в литературе // Актуальные проблемы социально-политической и философской мысли: сборник студенческих работ. – Орёл: Издательство «Картуш», 2022. – С. 42–44.
4. Рыкунов С. В. Жанр ужаса и его влияние на литературу // Молодежь и XXI век – 2016: материалы VI Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. – Курск, 2016. – Том 2. – С. 231–233.
5. Каропа И. Г. Художественное осмысление войны как пограничной ситуации // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2. – С. 130–135.
6. Поляков Е. В. Насилие как элемент политической антиутопии // Общество: философия, история, культура. – 2013. – № 2. – С. 36–42.

7. Лашевич Е. П. Жанровые особенности трансгрессивной литературы (на материале произведений Ч. Паланика) // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2022. – С. 54–60.
8. Григорьева В. С., Зайцева В. В. Концептуальная структура дискурсивной практики «насилие» и вербальные средства ее репрезентации // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2 (50). – С. 181–184.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
10. Ищенко Е. С., Жданова Е. С. Лингвистические средства выражения процесса невербальных агрессивных действий // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2014. – № 2 (2). – С. 217–220.
11. Еленская К. В. Лингвистический паспорт лексемы «насилие» // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 4 (2). – С. 386–392.
12. Засыпкин С. Инвектива // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2 (9-10). – С. 352–353.
13. Мoya S. A Clockwork Orange: The Intersection Between a Dystopia and Human Nature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalrepository.unm.edu/best_student_essays/1/?utm_source=digitalrepository (дата обращения: 20.05.2024).
14. Николич М. Жанровое своеобразие романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» // COLLEGIUM LINGUISTICUM-2021. Сборник научных статей ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. – 2021. – С. 458–465.
15. Панкрашова А. В. Эволюция жанра антиутопии в творчестве Э. Бёрджесса: выпускная квалификационная работа; Российский государственный гидрометеорологический университет. – СПб., 2018. – 67 с.
16. Мазепа Е. М. Проблематика романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» [Электронный ресурс] // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского». – Симферополь, 2017. – С. 196–199. – Режим доступа: https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/2018_cover.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
17. Burgess A. A Clockwork Orange. – СПб.: Антология, 2023. – 256 с.

ТЮГАЕВА В. А.

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОЛОГИЗМОВ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье представлен анализ неологической лексики современного английского языка в аспекте ее тематической направленности. Анализ сфокусирован на определении тематических групп новых слов и отражении в них социальных, экономических и технологических тенденций. В результате были выявлены наиболее многочисленные тематические группы неологической лексики в современном английском языке.

Ключевые слова: неологизм, неология, тематическая группа, экстралингвистические факторы.

TYUGAEVA V. A.

THEMATIC CHARACTERISTICS OF NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH

Abstract. The article presents an analysis of neologisms of modern English in terms of their thematic orientation. The analysis focuses on identifying major thematic groups of new words and revealing social, economic and technological trends by their means. As a result, the most numerous thematic groups of neologisms of modern English are revealed and studied.

Keywords: neologism, neology, thematic group, extralinguistic factors.

Являясь динамичной системой, гибко реагирующей на внешние вмешательства, язык непрерывно претерпевает изменения. Данные изменения выражаются в появлении новых элементов, отмирании устаревших, а также в формировании новых правил и тенденций. Изменения внешней среды, влияющие на язык, номинируются как экстралингвистические факторы. К ним следует отнести экономические факторы (глобализация), технологические факторы (научно-технический прогресс и развитие ИКТ), культурные факторы (к примеру, взаимодействие представителей разных культур). Их изучение и воздействие на системы языка является актуальным и не менее значимым направлением, чем анализ сугубо лингвистических изменений в языке [4].

Неология как наука о новой лексике сформировалась во 2-й половине XX века. В качестве определения неологизма представляется целесообразным взять определение И. В. Арнольд: «neologism is a newly coined word or phrase or a new meaning for an existing word, or a word borrowed from another language» [3, с. 217].

В настоящее время существует несколько подходов к классификации неологизмов. В этой связи В. И. Заботкина выделяет: «1) Собственно-неологизмы, новые слова называющие новые понятия и явления; 2) Трансноминации, называющие уже существующие

явления новой формой; 3) Семантические инновации, или переосмысления, где новой формой выражаются уже существующие значения» [7, с. 87]. Лингвист Луи Гилбер подразделяет неологическую лексику на: «1) Фонологические неологизмы, являющиеся уникальными сочетаниями звуков; 2) Заимствования, полностью освоенные языком; 3) Синтаксические неологизмы, созданные путем словообразования или словосочетания» [2].

Существуют общепринятые критерии отбора неологизмов для их классификации. Во-первых, по способу появления, где лексические неологизмы образуются с помощью продуктивных способов словообразования, а семантические и фразеологические – с помощью добавления новых значений к сочетанию слов. Во-вторых, по степени новизны неологизмы подразделяются на абсолютные, которые не встречались в языке, и относительные, которые исчезали из употребления, но со временем вернулись. Существует также деление неологизмов по степени новизны на сильные и слабые в зависимости от ощущения уникальности и новизны [6]. В-третьих, по отношению к языку/речи неологизмы могут быть узуальными (неологизмы, использующиеся в речи повседневно) и неuzuальными (потенциальные и окказиональные новообразования) [5, с. 224]. В-четвертых, по способу словообразования, где аффиксация, конверсия и словосложение являются самыми продуктивными и распространенными способами. Представляется также важным отметить, что блендинг и телескопные слова являются актуальным способом словообразования в виртуальной среде.

Последним критерием для классификации неологизмов является продолжительность их существования. С. И. Алаторцева обозначила следующие критерии: «А) Факты краткого существования на уровне речь/текст; Б) Слова, значения, сочетания, вошедшие в языковую систему, ставшие ее полноправными членами; В) Новации, живущие какое-то время в языке, а затем уходящие из него («историзмы современности»)» [1, с. 55].

Представляется важным рассмотреть функции неологизмов, которые подразделяются на лингвистические и экстралингвистические. Экстралингвистическая функция представляет собой отражение сознания и потребностей людей. Первичная функция – номинативная, связанная с необходимостью носителей языка давать названия предметам и явлениям. Стилистическая функция раскрывает потребность в индивидуализации и привлечении внимания собеседника. Данная функция наиболее ярко проявляется в художественной литературе. В публицистических текстах превалирует коммуникативная функция, обеспечивающая корректную передачу информации. В виртуальной среде доминирует прагматическая функция, которую в свою очередь можно разделить на регулирующую, оказывающую влияние на сознание коммуникантов, и игровую, связанную с окказиональными образованиями (словами, созданными авторами произведений).

Существует также нормообразующая функция, ответственная за появление новых правил и норм. Синтаксическая функция подразделяется на рематическую, где с помощью неологизма можно выделить рему, и контекстную, которая связывает неологизм с конкретным событием.

Последней рассмотренной нами функцией будет когерентная/темпоральная, помогающая проследить временной период, когда неологизм появился и активно использовался [10]. Проиллюстрировать данную функцию можно неологизмами AI, screen-share, auto-generate, которые отражают развитие информационных технологий в современных реалиях. Таким образом, неологическая лексика способствует осуществлению эффективной коммуникации, она наиболее полно описывает картину мира и следует постоянным изменениям в окружающей среде, обеспечивает креативное самовыражение коммуникантов.

Лексические единицы обычно объединены друг с другом согласно определенным принципам и критериям. Исходя из этого, является важным дать определение понятию «тематическая группа». Тематическая группа – это объединение лексических единиц, которые используются при общении на какую-либо определенную тему.

И. В. Кременецкая выделила несколько критериев для объединения слов в тематическую группу: «А) Слова могут быть определены в одну тематическую группу при наличии связи между предметами, обозначенными словами; Б) В тематическую группу могут быть отобраны слова при наличии отношений между друг другом, типа род-вид, часть-целое; В) Лексические единицы определяются в тематическую группу при наличии соотносимых контекстов» [9]. Согласно точке зрения Ю. Н. Караулова, слова в тематической группе должны быть одной грамматической категории и не должны являться синонимами. Уникальность тематической группы должно подтверждать ее название, состоящее из одного слова. Нам представляется важным отметить, что формирование слов в тематические группы зависит в большей степени от экстралингвистических факторов [8, с. 63–67].

Лексические единицы в тематической группе предлагается делить на исконные и заимствованные, принадлежащие к активному или пассивному запасу, целесообразно также деление слов по сферам употребления. Например, слова из технической или экономической сфер и слова, которые употребляются в повседневной жизни. Наряду с этим, лексические единицы также можно поделить в зависимости от стилистической маркировки.

Выделяется также тематическое поле – сгруппированный лексический ряд, представляющий собой объединение слов конкретной лексики, связанный между собой общей семантической темой. О. Б. Пылаева определила следующие характерные признаки тематического поля: «1) Тематическая классификация характерна для единиц, в значениях которых преобладает денотативное содержание; 2) Единицы тематического поля относятся к

определенной теме, в то же время особое значение в тематическом поле играют внеязыковые факторы; 3) Единицы, входящие в состав тематического поля, могут отличаться значением» [2].

З. Д. Попова определяет состав тематического поля как «ядро, в котором находится имя поля, на периферии находятся слова, семемы которых пересекаются с ядерными словами по отдельным семам» [2]. Важно отметить, что при выделении слов в тематические поля необходимо проводить анализ сем и обращать особое внимание на отношения подчинения между словами тематической группы при их упорядочивании. Таким образом, тематическое поле имеет свои характерные признаки, а тематические группы слов выделяются на основе определенных критериев.

Материалом настоящего исследования послужил онлайн-словарь «Cambridge Dictionary», а именно, блог «New Words» [11]. Анализ неологической лексики за период с 1 января по 20 мая 2024 года позволил нам сделать определенные обобщения и выделить ряд тенденций в области появления новых слов в английском языке. Отобранные методом сплошной выборки неологизмы были проанализированы с точки зрения их тематической принадлежности, в результате чего были выделены следующие тематические группы.

«Ecopomy» – крупная тематическая группа, которая отражает некоторые явления в мире. Появление неологизмов, связанных со сферой финансов свидетельствует о том, что общественность испытывает повышенный интерес к финансовым вопросам, стремится улучшить качество жизни. Представителями данной тематической группы являются такие лексические единицы как guppie, neobank, greenstalling, loud budgeting, doom spending, tiplation, soft saving, vibecession, wokewashing, friendlord.

«Health» – тематическая группа, отражающая желание общества заботиться о себе и повышенное внимание к здоровью. В данную группу входят планы питания, достижения в сфере медицины, а также заболевания. Группу «health» иллюстрируют такие слова как autumn sneezing syndrome, quadrupledemic, long cold, dry tripping, inverse vaccine, zero-dose, tarmac-to-arm, skin streaming, Atlantic diet, snackification, OMAD, VEXAS, Alaskapox.

Следующая тематическая группа отражает популярность туризма и поиск новых форм отдыха. Группа «getaway» пополнилась за счет неологизмов, несущих информацию об экологическом туризме, туризме, связанном со здоровым образом жизни и медленным ознакомлением с культурой. Coolcation, soft life, soft saving, slowcation, dry tripping, tour tourism отражают тематическую группу «getaway».

Тематическая группа «technologies» подчеркивает влияние цифровых технологий на жизнь общества. Словарь пополнился неологической лексикой, связанной с достижениями в области программирования, а именно, словами, имеющими отношение к искусственному

интеллекту. Carbon bomb, P(doom), stochastic parrot, anthbot, model collapse были добавлены в тематическую группу «technologies».

Группа «design» показывает, что стиль и интерьер стал способом самовыражения, который люди все чаще используют. Слова, являющиеся представителями данной тематической группы, относятся к смелым решениям в области дизайна и стиля: invisivle kitchen, Narnia pantry, kitschen, unexpected red theory, loud luxury, beautility, bookshelf wealth, appliance garage, house hushing.

Тематическая группа «social events» указывает на поиск слов для выражения новых реалий и изменений в обществе. Появление неологизмов, связанных с социальными сетями, критикой общества, сравнением давно существующих явлений с новыми явлениями свидетельствует о том, что люди сталкиваются с разнообразными вызовами и проблемами, которые требуют появления лексики для их номинации. Broken rung, exhaustion gap, gender tenure gap, funwashing, screenwashing, wokewashing, soft separation, climate mobility, super distruster, vibecession, teen-ternity leave, nepo-parent, inchstone, zero-dose, tarmac-to-arm, skin streaming, looksmaxxing, tiplflation, doom spending, loud budgeting, popcorn brain, greenstalling, tethered nomad, wanderpreneur, WFB, HENRY, DINKWAD иллюстрируют данную группу.

Таким образом, тематический анализ неологизмов современного английского языка позволяет нам выделить приоритетные сферы жизни общества. Наиболее многочисленные тематические группы связаны с экономикой и финансами, новыми технологиями и пересмотром образа жизни, что доказывает важность данных сфер жизни в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1998. – 317 с.
2. Ахметова А. С., Мардиева Л. А. Принципы объединения слов в тематическую группу (на материале тематической группы «косметика») // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции: в 2 т., Казань, 06–07 декабря 2022 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. – С. 13–15.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
4. Бабенкова Е. А. Неологическая лексика современного английского языка в аспекте ее тематических и словообразовательных характеристик // Человек и язык: Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык»,

- посвященной памяти профессора М. Я. Блоха, Москва, 23–24 ноября 2023 года. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. – С. 215–219.
5. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. – М.: Наука, 1973. – 224 с.
 6. Воробьева И. А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2019. – № 3 (101). – С. 158–166.
 7. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 124 с.
 8. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
 9. Кремнецкая И. В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов // *Lingua mobilis*. – 2009. – № 3 (17). – С. 94–98.
 10. Попович Е. С. Лингвистические и экстралингвистические функции неологизмов [Электронный ресурс] // Филологический аспект. – 2020. – № 06 (62). – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvisticheskie-i-ekstralingvisticheskie-funktsii-neologizmov.html> (дата обращения: 06.04.2024).
 11. Cambridge New Words [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words/> (дата обращения: 30.06.2024).

ВИНОКУРОВА А. В.
ВОССОЗДАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА В ПЕРЕВОДЕ
С РУССКОГО НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье проанализировано ономастическое пространство художественного текста в жанре фантастического романа с точки зрения способов перевода составляющих его окказиональных имен собственных с русского на испанский язык. Предметом анализа послужили разновременные переводы Д. Марсело Сьерры и А. Веласкеса Мойи романа А. Толстого «Аэлита».

Ключевые слова: оним, ономастическое пространство, транскрипция, транслитерация, испанский язык.

VINOKUROVA A. V.
RECREATING ONOMASTIC SPACE OF SCIENCE FICTION NOVEL
IN TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO SPANISH

Abstract. The article analyses the onomastic space of a science fiction text in terms of the ways of translating its occasional proper names from Russian into Spanish. The analysis is based on the diachronic translations by D. Marcelo Sierra and A. Velázquez Moya of A. Tolstoy's novel 'Aelita'.

Keywords: proper name, onomastic space, transcription, transliteration, Spanish.

Фантастический мир художественного произведения признается литературоведами отдельной составляющей поэтики. Его создание связано со стремлением автора создать действительность отличную от реальной, наделенную особой волшебной силой. Задумываясь о правдоподобии подобного художественного мира, писатели-фантасты используют различные способы построения фантастического мира, среди которых ключевую роль играют язык и языковые средства. Одним из ярких и самобытных примеров мира, выстроенного вокруг искусственно созданного языка, является роман А. Толстого «Аэлита». Писатель-фантаст создал в своем произведении систему онимов искусственного языка марсиан, позволяющую раскрыть характеры персонажей и их культуру. Целью данной статьи является изучение возможностей наиболее полной передачи на испанском языке ономастического пространства романа А. Толстого «Аэлита».

Вслед за И. Д. Гавриловой и Р. Н. Каримуллиной под онимом в рамках настоящего исследования мы будем понимать имя собственное, «которое служит для выделения

именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [3, с. 125]. Совокупность имен собственных образует ономастическое пространство. Применительно к художественному тексту, согласно О. Г. Горбачевой, оно представляет собой «специфический микромир, в котором интерпретируется реальная действительность» [6, с. 8]. Ономастическое пространство романа А. Толстого «Аэлита» составляют имена собственные, функционирующие в пространстве данного произведения. Всего в романе нами было обнаружено 47 вымышленных имен собственных. Литературные онимы получили названия поэтонимов – «имен в художественной литературе, имеющих в языке произведения кроме номинативной характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, они относятся к категории вымышленных имен, но часто в этой функции писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [7, с. 108]. Между тем, по мнению А. И. Моисеевой, язык, искусственно созданный А. Толстым для романа, не является новоязом. Словарь марсиан не отражает тоталитарных взглядов государства, что является главной характеристикой данного лингвистического феномена. Семантика слов марсианского языка в принципе непрозрачна и не вызывает никаких ассоциаций, в отличие от слов новояза [5]. В этой связи, на наш взгляд, при переводе сохранение семантического значения окказиональных онимов не будет являться первостепенной задачей для сохранения прагматического потенциала художественного текста. Проанализируем далее способы их передачи в двух версиях перевода Д. Марсело Сьерры и А. Веласкеса Мойи [1; 2].

Следует отметить, что перевод имен собственных является достаточно сложной задачей, поскольку часто невозможно полностью передать уникальное сочетание значения и формы имени в другом языке. Эта сложность связана с тем, что онимы, как правило, несут в себе определенный культурный отпечаток. Основная функция имени собственного – это идентификация конкретного объекта, и эта функция должна быть сохранена при переводе, даже если читатель, говорящий на другом языке, не знаком с контекстом. Если же переводчику удастся успешно передать особенности внешней формы имени, потеря индивидуальной функции лишит эту языковую единицу смысла.

К наиболее распространенным способам перевода онимов традиционно относят транскрипцию и транслитерацию. При транскрипции воспроизводится звуковая форма слова с целью наиболее точно повторить оригинальное произношение. Наиболее удачные примеры передачи онимов в произведении «Аэлита» с помощью транскрипции представлены в таблице 1.

Перевод онимов с помощью транскрипции

Оригинал	Перевод Даниэля Марсело Сьерры	Перевод Абеля Веласкеса Мойи
“– <i>Аэлита</i> , – прошептал марсианин, прикрыл глаза рукавом и потащил Лося и Гусева с дорожки в чащу”	“– <i>Aelita</i> . – susurró el marciano tapando sus ojos con la manga de su vestimenta y arrastrando a Loss y Gusev lejos de ese lugar”	“– <i>Aelita</i> – cuchicheó el marciano tapando su vista con la manga de su vestidura y arrastrando a Loss y Gusev lejos de aquel lugar”
“– <i>Соам</i> , – проговорил марсианин торжественно”	“– <i>Soam</i> —dijo el marciano, con tono solemne”	“– <i>Soam</i> – pronunció el marciano, con tono solemne”
“– <i>Лизиазира</i> , – кивнув на горы, сказал марсианин и оскалил мелкие, блеснувшие металлом зубы”	“– <i>Lisiasira</i> – dijo el marciano, señalando las montañas”	“– <i>Lisiasira</i> – dijo el marciano –, indicando las montañas”

Поскольку ни название гейзера Соам, ни гор Лизиазира семантически не мотивированны, можно считать осуществляемое ими прагматическое воздействие в переводе эквивалентным оригинальному. Что касается имени главной героини – Аэлиты, то сочетание гласных должно быть благозвучным для русскоязычного читателя [4, с. 209]. На наш взгляд, фонетический строй испанского языка предполагает сходные ассоциации данного антропонима у испаноязычных читателей, поэтому прием транскрипции в данном случае представляется вполне уместным.

Отдельно стоит рассмотреть случаи передачи на испанском языке звука “ц”. Само по себе сочетание аффрикаты “ц” с согласными в названиях как “Талцетл”, “Соацр”, “Магацитл”, “Саоцера” непривычно и труднопроизносимо для русскоговорящего человека. При транскрибировании звук “ц” обычно передается сочетанием согласных “ts”, но в случае перевода Д. Марсело Сьерры и А. Веласкеса Мойи была использована буква “z”: “Magazitl”, “Soazr”, “Talzetl” и “Soazéra”. Таким образом, в текстах на испанском языке такие окказионализмы уподобляются индихенизмам – заимствованиям в испанском языке из индейских языков. В частности, такое звуко сочетание типично для лексики из языка науатль, носители которого проживают преимущественно на территории современной Мексики. В

таком случае интенция автора передать посредством этих окказиональных онимов отчужденность, непривычность звучания и, соответственно, дистанцию между описываемыми местами и культурами, может быть нарушена. Также стоит отметить, что в тексте перевода в лексеме “Саоцера” меняются местами гласные “а” и “о”, а также появляется тильда – “Soazé[~]ra”, однако по правилам испанского языка, если слово оканчивается на гласную, то ударение падает на предпоследний слог и графически не ставится. Целесообразность таких орфографических изменений представляется нам сомнительной.

Другим способом перевода онимов является транслитерация. Как правило, при транслитерации воспроизводится внешняя буквенная форма имени собственного. По нашему мнению, Д. Марсело Сьерра и А. Веласкес Мойя передали лексему “олло” некорректно при помощи транслитерации: они сохранили буквенную форму слова, но исказили произношение слова в переводе. В испанском языке сочетание “ll” соответствует русскому звуку “й”, что не совпадает по звучанию с оригиналом – “Ollo” и не мотивировано стремлением передать внутреннюю форму слова или его семантику.

Стоит отметить, что Д. Марсело Сьерра и А. Веласкес Мойя при переводе онимов часто не соблюдают критерий сохранения авторской задумки и стилистических особенностей исходного текста. В случае перевода, выполненного Д. Марсело Сьеррой, оним “олло”, который в тексте оригинала написан со строчной буквы, в тексте перевода становится “Ollo” и пишется с заглавной: “...cuando de noche, a la luz de las dos lunas "Ollo" y "Litja", la terrible araña "zitl" enrede vuestras cabañas con su tela, conviértanse en sombras y no podrá atraparos”. В переводе А. Веласкеса Мойи лексема “Магацитл” приобретает форму “magazitl”, то есть пишется со строчной буквы: “...apareció como mensajero un bello magazitl”. Можно сказать, что в обоих случаях происходит стилистическая нейтрализация онимов при их переводе на испанский язык.

В завершении отметим, что представленные в данном исследовании примеры не являются полным списком онимов в романе «Аэлита». Особое внимание здесь было уделено лишь проблемным аспектам перевода имен собственных при помощи таких приемов, как транслитерация и транскрипция. Проведенный анализ подтвердил необходимость внимательности к переводу онимов, поскольку при этом важно учитывать как языковые и культурные факторы, так и жанровые особенности текста.

Таким образом, перевод имен собственных, которые были созданы для отражения специфического мира художественного произведения, представляет собой сложный процесс, требующий глубокого понимания созданных автором образов. Переводчики должны учитывать не только лексическую, но и прагматическую составляющую произведения, чтобы сохранить эмоциональную и стилистическую нагрузку оригинального текста в переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aelita: El declive de Marte de Alexei Tolstoi / traducido por Daniel Marcelo Sierra. – Ciudad de México: La Casa de las Palabras, 2023. – 201 p.
2. La expedición a Marte (Aelita) de Alexis Tolstoi / traducido por Abel Velázquez Moya. – Málaga: Editorial Sirio, 1977. – 141 p.
3. Гаврилова И. Д., Каримуллина Р. Н. Особенности употребления онимов в произведениях русских писателей-фантастов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 8. – С. 125–128.
4. Любимова С. Е. Онимы «Марсианского» языка как средство создания фантастического мира (на примере повести А. Н. Толстого «Аэлита») // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 208–210.
5. Моисеева А. И. Анализ искусственного языка на примере романа А. Н. Толстого «Аэлита» // Мова і літаратура: матэрыялы 79-й навук. канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага фак. БДУ, Мінск, 11 мая 2022 г. / БДУ, Філалагічны фак.; [пад рэд. Г. У. Навумавай (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск: БДУ, 2022. – С. 146–149
6. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2008. – 23 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

ДЫРИНА Д. В., МИРОНОВА О. А.
ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие метатекстовых элементов как вербальных знаков и приводится классификация их функций. На примере текстов научных статей выявляются наиболее частотные метатекстовые элементы и определяются их функции в англоязычном научном тексте.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовый элемент, функции метатекстовых элементов, научный текст.

DYRINA D. V., MIRONOVA O. A.
FUNCTIONS OF METATEXТ OPERATORS
IN ENGLISH SCIENTIFIC TEXT

Abstract. The article focuses on the concept of metatext operators as verbal elements. Considering their functions in the text, a classification of metatext operators is provided. The linguistic analysis of research articles shows the most frequent metatext operators and identifies their functions in the English scientific text.

Keywords: metatext, metatext operator, functions of metatext operators, scientific text.

В современной лингвистике большое внимание уделяется проблеме функционирования метатекстовых элементов. В этой связи существует большое количество трактовок явления метатекста. С этимологической точки зрения термин «метатекст» образован от слова «текст» в сочетании с греческой приставки «мета-» (рус. «после», «между», «через»), значение которой связывают с абстрагированностью, переходом к другому состоянию [6]. В лингвистике данный термин впервые был использован в 1978 году исследователем А. Вежбицкой, которая назвала их «метатекстовыми нитями» или «инородными телами», с помощью которых автор комментирует собственный текст. В качестве примеров метатекстовых элементов приводятся выражения «кстати говоря», «иначе говоря», «иными словами» и прочие [2]. Говоря о функциях метатекстовых элементов, А. Вежбицкая называет поясняющую основной текст, соединяющую элементы основного текста, усиливающую некоторые позиции основного текста [ibidem, с. 421].

В современной лингвистике понятие метатекста получило уточнение и дополнение. Так, А. А. Гилёва считает, что метатекст представляет собой компонент

текста, реализованный в виде «вербальных и невербальных знаков, которые передают рефлексию говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения» [4, с. 29]. Другими словами, метатекст – это текст, который дополняет или сопровождает основной текст. В него включены понятия, определения и та информация, которая подчеркивает важность основного текста.

Следует отметить, что, помимо обобщенного понимания метатекста, в современной лингвистике наблюдается тенденция трактовать данное явление применительно к тексту определенного типа. Так, в работах, посвященных научному тексту часто исследуются метатекстовые элементы. Они представляют собой сложные дискурсивные единицы, выполняющие в научных текстах функцию объективации изучаемых явлений [1, с. 63]. Метатекстовые элементы как вербальные знаки считаются вспомогательными метатекстовыми компонентами. Они включают в себя: элементы активации внимания читателя, средства связи между частями текста, средства пояснения хода изложения, средства акцентирования ключевых моментов, вводные слова [3, с. 34].

Многие лингвисты, с целью упорядочения метатекстовых элементов, создают их классификации. В этой связи В. А. Судовцев разработал классификацию метатекстовых элементов с точки зрения функций, выполняемых ими в англоязычном научно-техническом тексте:

1. Соединение и логическая последовательность идей (пр. and, also, apart, from, besides).
2. Парафраз и наложение (пр. as if, in the same way, in like manner).
3. Причинность (пр. accordingly, as, because, consequently).
4. Контраст и сопоставление (пр. alternatively, although, but if, however).
5. Ограничение (пр. except, impossible, occasionally).
6. Предположение (пр. suppose, in principle, it follows).
7. Вопросы (пр. how big? how long? what? when? with?) [5].

С целью дальнейшего рассмотрения функций метатекстовых элементов в научном тексте обратимся к текстам научных статей на английском языке, опубликованным в международном журнале *Language & Communication*. Данный журнал индексируется в международной базе данных Scopus и публикует статьи на лингвистическую и лингводидактическую тематику. Всего было проанализировано 10 статей, изданных за период с 2015 по 2024 гг. В результате анализа было выявлено, что самые частотные метатекстовые элементы в проанализированных статьях служат для

отображения логики высказывания и процесса интерпретации, а также для управления пониманием. Рассмотрим эти метатекстовые элементы более детально.

Первая группа метатекстовых элементов служит для отражения логики высказывания автора научной статьи.

1. *In doing so, we aim to answer the following question: Why is a social media production in this specific form of language and culture so attractive [9].*
2. *To answer this question, we investigate all semiotic resources, i.e., layout, use of images, sounds, and written and sung texts, to uncover the characteristics of the original media production (YouTube) and their function in its spinoffs (TikTok) [11].*

В примере 1 мы наблюдаем логический метатекстовый элемент, реализованный в виде фразы «in doing so». В примере 2 мы наблюдаем логический метатекстовый элемент «to answer this question». Данные элементы обеспечивают логическую связь между идущими последовательно предложениями.

3. *Furthermore, the broad and general experience of repetition (whether linguistic or not) has to do with existential issues [8].*
4. *Also, the increasing realization that language is intrinsically multimodal (see, for example, the theme issue «Language as a multimodal phenomenon» of Phil. Trans Royal. Soc. B from 14 September, 2014, vol. 369, issue 1651; Waciewicz et al., 2016), involving [8].*

В примерах 3 и 4 мы наблюдаем метатекстовые элементы «furthermore» и «also», осуществляющие функцию логической связности. С помощью них вводится новая информация. Тем самым, они связывают информацию, которая была сказана автором научной статьи ранее с новой информацией.

5. *For example, Itkonen (2008) distinguishes between language as grammatical and semantic norms and as utterances. While the linguistic norms of a language community do not determine actual speech, they exercise their influence on the latter analogous to the ways social norms influence social behaviour [7].*

В примерах 4 и 5 мы наблюдаем логический метатекстовый элемент «for example». Этот элемент служит для того, чтобы привести примеры в виде ссылок на работы предшественников, и, тем самым, связать суждение автора с аналогичными суждениями в работах других авторов. В результате, автор научной статьи усиливает собственное высказывание.

6. *Importantly, the functions of discourse particles are not exclusive to changing the status of discourse as prior research has shown that discourse particles are important*

resources for stancetaking (Drager, 2015; Englebretson, 2007; Karkkainen, 2003, 2007; Manns, 2011, 2013; Morita, 2015; Schiffrin, 2006) [10].

В примере 6 мы видим логический метатекстовый элемент «importantly», который подчеркивает важность той или иной информации. С помощью данного метатекстового элемента автор научной статьи выделяет среди большого количества материала самое важное.

7. *However, that is not to say that there are no patterns in the meanings conveyed by discourse particles across separate communicative events [10].*

В примере 7 мы наблюдаем метатекстовый элемент «however». Такой логический элемент выражает противопоставление. Он помогает автору научной статьи показать отличие одного факта от другого.

Вторая группа метатекстовых элементов служит для управления пониманием читателя.

8. *Returning to the starting question, it is exactly this ability for (dynamically) enregistering local dialect forms and other semiotic signs that makes the described social media production so attractive for reproduction [9].*

В примере 8 мы можем заметить отсылку к тому, что уже было сказано ранее с помощью метатекстового элемента «returning to the starting question». Так автор проводит «невидимую» смысловую линию, которая соединяет несколько смысловых фрагментов в тексте, возвращая читателя к непосредственной теме исследования.

9. *In what follows, we briefly outline these global processes of ongoing change and discuss how they relate to exclusionary discourse practices [13].*

В примере 9 мы видим метатекстовый элемент «in what follows», разъясняющий информацию, которая будет в тексте далее. Автор научной статьи добавляет такие элементы перед блоком информации, в котором находится какое-то разъяснение, пояснение или намерение. Тем самым, внимание читателя заранее направляется в определенное русло.

10. *In closing, I will talk about Estonian, which has quantity alternations in consonants which are not represented equally in writing [7].*

В примере 10 мы видим вербальный метатекстовый элемент «in closing», который резюмирует информацию. Он сигнализирует читателю о том, что далее последует некое обобщение, вывод либо самые важные пункты дальнейшего изложения.

Третья группа метатекстовых элементов служит для отображения процесса интерпретации той или иной идеи автором.

11. *Whereas remix has a more educational basis and points to multimodality, which can also serve only for entertainment without a satirical undertone, bricolage has a more critical edge, i.e., is more pronounced* [11].
12. *Originally, bricolage was an art concept used in research into subcultures The dialect, i.e., the set of co-occurring dialectal forms, does not serve so much as habitual local speech, but it rather bears a strategically symbolic function to showcase a (recognizable) local identity* [10].
13. *In this case, the word koekwaus which is used to indicate a stereotypical social character in the original song, is reindexed as a social marker for the actor themselves, i.e., as a stylistic practice of social stance-taking to convey localness, Brabantishness and a good sense of humor, while at the same time indicating globalness and trendiness by participating in a viral internet challenge* [13].

В примерах 11–13 мы наблюдаем метатекстовый элемент «i.e.». Это частотный элемент, выполняющий функцию пояснения в тексте научной статьи.

Таким образом, проанализировав метатекстовые элементы, служащие для отображения логики высказывания, процесса интерпретации и для управления пониманием можно сделать вывод о том, что они наибольшее языковое разнообразие демонстрируют логические метатекстовые элементы. Эти вербальные знаки крайне важны для читателя или слушателя. Они являются не только инструментами автора для построения логичного высказывания, но и служат словами-помощниками для аудитории, помогая ей лучше понять и интерпретировать текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А. С. Метатекстовые включения в научном тексте как особые дискурсивные единицы // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4 (65). – С. 61–64.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 402–425.
3. Гаврилова А. А. Метатекстовые элементы в научном тексте: монография. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 178 с.
4. Гилёва А. А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10. – С. 26–30.

5. Судовцев В. А. Научно-техническая информация и перевод: Пособие по англ. яз. [для техн. вузов]. – М.: Высшая школа, 1989. – 231 с.
6. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/meta-chast-slozhnykh-slov-fe6f1b> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Blomberg J., Zlatev J. Metalinguistic relativity: Does one's ontology determine one's view on linguistic relativity? // *Language & Communication*. – 2021. – Vol. 76. – P. 35–46.
8. Bock C. F. et al. Introduction: The sociolinguistics of exclusion – Indexing (non) belonging in mobile communities // *Language & Communication*. – 2023. – Vol. 93. – P. 192–195.
9. Chagas de Souza P. So-called orthographic depth is not always consistent // *Language & Communication*. – 2022. – Vol. 87. – P. 72–98.
10. Dediu D. Moisik Language is not isolated from its wider environment: Vocal tract influences on the evolution of speech and language // *Language & Communication*. – 2016. – Vol. 54. – P. 9–20.
11. Doreleijers K. Putting local dialect in the mix: Indexicality and stylization in a TikTok challenge // *Language & Communication*. – 2023. – P. 1–14.
12. Perregaard B. The dynamics of interactional and intentional pattern formation in children's language socialization // *Language & Communication*. – 2018. – Vol. 62. – P. 39–50.
13. Perregaard B. Experienced repetition. Integrational linguistics and the first-person perspective [Электронный ресурс] // *Language & Communication*. – 2022. – Vol. 86. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/362895528_experienced_repetition_Integrational_linguistics_and_the_first-person_perspective (дата обращения: 20.09.2024).

ЗАСЫПАЛОВА М. А., ПАЛЕНОВА В. С.
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕЧИ
АМЕРИКАНСКИХ ТЕЛЕВЕДУЩИХ ТОК-ШОУ

Аннотация. В данной статье представлен анализ стилистических параметров речи ряда популярных американских телеведущих вечерних ток-шоу с целью выявления ее общих стилистических особенностей. В результате были определены частотные стилистические приемы лексического и синтаксического уровней в речи американских телеведущих ток-шоу.

Ключевые слова: стилистический прием, лексика, синтаксис, ток-шоу, телеведущий.

ZASYPALOVA M. A., PALENOVA V. S.
STYLISTIC FEATURES OF SPEECH OF AMERICAN TALK SHOW TV HOSTS

Abstract. This article provides an analysis of stylistic devices used by American late-night show TV hosts. The aim of the study is to identify common stylistic features typical for American TV hosts. As a result, most frequently used stylistic devices of lexical and syntactical level have been revealed.

Keywords: stylistic device, vocabulary, syntax, talk show, TV host.

В настоящее время телевидение является одним из самых популярных средств массовой информации в США. Как известно, ток-шоу – один из самых распространенных жанров телепередач на американском телевидении. В этой связи возникает необходимость исследовать языковые особенности речи телеведущих американских ток-шоу.

Ток-шоу – относительно новый жанр телевизионного дискурса. Создателем первого в мире ток-шоу стал американский журналист и телеведущий Фил Донахью. В 1980-х гг. его ток-шоу «The Phil Donahue Show» имело большой успех, поскольку его транслировали почти на каждом американском телеканале [3, с. 105]. Популярность жанра ток-шоу сохраняется и в первой четверти XXI в. По определению А. Ю. Салихова, термин «ток-шоу» трактуется как телепередача, основанная на свободном общении ее участников (гостей и телеведущего), обсуждающих какую-либо актуальную тему или проблему [5, с. 661].

Жанр ток-шоу имеет определенную структурную организацию, в основе которой заложена вопросно-ответная форма: ведущий и присутствующие в студии зрители задают вопросы приглашенным гостям [1, с. 16]. Е. Г. Ларина в своем исследовании отмечает основные признаки ток-шоу: без ведущего не представляется возможным создать яркое и веселое шоу; основное действие происходит в студии; обязательно есть приглашенные гости; дискуссия; присутствие зрителей в студии; музыкальная заставка в начале передачи [4, с. 37].

В этой связи цель ток-шоу как жанра телевизионного дискурса заключается в том, чтобы привлечь внимание большего количества зрителей к обсуждению заявленной темы. Ток-шоу в классической версии можно представить как речевое взаимодействие между ведущим и зрителями в студии с приглашенным гостем (гостями).

В нашем исследовании мы рассматриваем такую разновидность ток-шоу, как вечернее ток-шоу (late-night talk show), поскольку оно является самой просматриваемой телепередачей в США. После длинного рабочего дня телезрителям хочется расслабиться, что достигается за счет непринужденной обстановки на вечернем ток-шоу. По мнению исследователей, массовые просмотры ток-шоу, в том числе и вечернего, складываются из совокупности различных характеристик: начиная от заложенного сценария, приглашенных гостей, заканчивая харизмой и обаянием телеведущего [2, с. 99].

Таким образом, телеведущий играет ключевую роль в структуре ток-шоу. Рассматривая речевое поведение американских телеведущих, П. В. Гуленко и Ю. И. Долгова выделяют ряд характерных черт:

1) эмоциональность: ведущие часто используют реплики с эмоциональной окраской для того, чтобы заинтересовать внимание зрителя;

2) вариативность темпа: американские телеведущие могут менять темп речи, чтобы подчеркнуть важные моменты или создать интригу;

3) юмор: многие телеведущие используют шутки и иронию в своей речи для привлечения внимания зрителей;

4) пронзительный тон: американские телеведущие, как правило, говорят с более высокой интонацией, чем их коллеги в других странах. Это создает впечатление большей энергии и воодушевления [3, с. 103].

Анализ речевого поведения американских телеведущих вечерних ток-шоу подтверждает вышеуказанные речевые характеристики. В этой связи эталонным телеведущим является Джимми Фэллон, который не боится шутить и обыгрывать комические ситуации. Его поведение достаточно эмоциональное и активное: он может перебивать гостя своими высказываниями, громко кричать, бить по столу руками, падать, игнорировать мнение собеседника. С другой стороны, он умеет шутить над собой, что всегда вызывает смех у аудитории. Речь Джимми Фэллона часто не разборчива и изобилует сленговыми выражениями.

Далее мы рассмотрим стилистические параметры речи американских телеведущих вечерних ток-шоу на примере Стивена Колберта, Джимми Киммела и Джимми Фэллона. Ток-шоу со Стивеном Колбертом носит название “The Late Show with Stephen Colbert”. Данная передача транслируется на телевидении с 2015 года. “Jimmy Kimmel Live” – так названо ток-

шоу с Джимми Киммелом, транслируемое на канале ABC. Впервые передача появилась на телевидении в январе 2003 года. Американское вечернее ток-шоу “The Tonight Show Starring Jimmy Fallon” транслируется на телеканале NBC. Шоу впервые вышло в феврале 2017 года. В среднем каждый выпуск ток-шоу длится 45 минут. Анализ предполагал, как исследование скриптов ток-шоу, так и звучащего текста. Цель анализа – выявить общие стилистические средства, присутствующие в речи американских телеведущих вечерних ток-шоу.

Анализ показал, что частотным стилистическим приемом лексического уровня является междометие. Телеведущие вечерних ток-шоу используют их практически после каждой своей реплики и реплик приглашенных гостей. По определению, данному в «Oxford Learner’s Dictionary», междометие это: «a short sound, word or phrase spoken suddenly to express an emotion». Данная дефиниция говорит о том, что междометие как стилистический прием в английском языке используется с целью выражения эмоций в определенной ситуации. Со структурно-семантической точки зрения в речи американских телеведущих вечерних ток-шоу присутствуют разные варианты междометий (см. примеры 1–7).

(1) Oh my God! [6]

(2) No way! [7]

(3) Wow! [8]

(4) Aaaah! [7]

(5) Crickey! [8]

(6) Well... [7]

(7) Come on! [6]

Кроме того, помимо междометий в речи американских телеведущих вечерних ток-шоу встречается стилистическое сравнение (*simile*), которое является одним из наиболее популярных стилистических средств в англоязычной речи. Сравнение как стилистический прием в английском языке используется в речи с целью уподобления двух предметов по какому-либо общему признаку. В речи американских телеведущих вечерних ток-шоу мы можем отметить преобладание сравнений со словом «like» (см. примеры 8–9).

(8) He’s like a panda or a koala [6].

(9) That’s like a lion going, —I don’t remember anybody getting eaten in the jungle! [7].

(10) When your arms and legs are off, you look like a giant [7].

Кроме того, речь американских телеведущих вечерних ток-шоу богата эпитетами (*arbitrary, unimportant, luxury, proudest, huge, defining, fair-minded*). Эпитет трактуется как стилистический прием, образное определение, в основе которого лежит скрытое сравнение. Эпитеты используются в речи для добавления эмоциональной окраски сказанному.

Помимо стилистических средств лексического уровня, в речи американских

телеведущих также наблюдается частотное употребление ряда стилистических приемов синтаксического уровня. Далее рассмотрим примеры наиболее частотных синтаксических структур.

В связи с тем, что ток-шоу относится разговорному стилю речи, американские телеведущие стремятся к сокращению и использованию простых конструкций с одной грамматической основой. Поэтому сложные предложения немногочисленны. Наблюдается малое количество подчинительных союзов. В этой связи частотными стилистическими приемами синтаксического уровня являются эллипсис либо отсутствие одного и более частей предложения, что создает эффект разговорного языка (см. примеры 11–14).

(11) Assume nothing, okay [6].

(12) That good [6].

(13) Love that [7].

(14) This insane. And no kidding [7].

Ведущие часто намеренно нарушают грамматическую структуру построения вопроса, и вместо обратного порядка слов используют прямой. Это связано с тем, что специфика речи телеведущего относится к разговорному стилю речи. Они используют такие конструкции для уточнения сказанного собеседником (см. примеры 15–17).

(15) I'm up? [8].

(16) You used to go to this park? [6].

(17) You were on the water polo team? [6].

Американские телеведущие часто используют в речи риторический вопрос, то есть вопрос, не подразумевающий ответа в силу его очевидности. Данный прием используется с целью подчеркнуть ту или иную фразу и придать ей больший эмоциональный оттенок (см. примеры 18–19).

(18) You kidding me? [8]

(19) Really? [8]

Одной из особенностей речи телеведущих вечерних ток-шоу в США является использование лексического повтора слов и фраз. Лексический повтор – одно из распространенных средств выразительности в англоязычной речи. Путем повторения слова, выделяется ключевое понятие в высказывании. Его цель состоит в том, чтобы подчеркнуть эмоциональность сказанного (см. примеры 20–22).

(20) Welcome, welcome, welcome to The Late Show and I am your host Stephen Colbert [8].

(21) Remember, remember the classified document case? [8].

(22) Today, today was Trump's chance to wake up [7].

Таким образом, в соответствии с целью нашей работы, мы провели исследование стилистических параметров речи американских телеведущих вечерних ток-шоу. Анализ стилистических приемов в речи американских телеведущих вечерних ток-шоу показал, что частотными стилистическими приемами лексического уровня являются междометие и сравнение, а в качестве стилистических приемов синтаксического уровня телеведущие активно используют эллипсис и лексический повтор. Остальные стилистические приемы используются редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова Е. А., Бобырева Н. Н. Особенности речевого поведения британских и американских ведущих (на материале интерактивных ток-шоу) // *Terra Linguae: Сборник научных статей*. – Вып. 5. – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. – С. 15–20.
2. Ветрова Э. С., Янковская Э. С. Языковые средства воздействия на адресата в американских политических ток-шоу // *Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / Под общ. ред. С. В. Беспаловой*. – Том 5. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 98–101.
3. Гуленко П. В., Долгова Ю. И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата "ток-шоу" // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. – 2016. – № 3. – С. 102–110.
4. Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 171 с.
5. Салихов А. Ю. Коммуникативно-прагматические особенности дискурса американских ток-шоу // *Когнитивные исследования языка*. – 2014. – № 18. – С. 660–662.
6. The Jimmy Kimmel Live Talk Show [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCa6vGFO9ty8v5KZJXQxdhaw> (дата обращения: 12.04.2024).
7. The Late Show with Stephen Colbert [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCMtFAi84ehTSYSE9XoHefig/featured> (дата обращения: 25.04.2024).

8. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/@fallontonight> (дата обращения: 27.04.2024).

ГУЛЯЕВА А. А.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АББРЕВИАТУР
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

Аннотация. В данной статье представлена авторская классификация функционально-прагматических характеристик английских аббревиатур в социальных сетях. В результате исследования выявлены основные функции аббревиатур в англоязычных социальных сетях. Сделан вывод о том, что их использование повышает эффективность коммуникации в медиадискурсе.

Ключевые слова: сокращение, аббревиация, словообразование, медиадискурс, продуктивность сокращений, экспрессивность сокращений.

GULYAEVA A. A.

**FUNCTIONAL AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE USE
OF ABBREVIATIONS IN ENGLISH SOCIAL NETWORKS**

Abstract. The article provides a classification of functional and pragmatic features of English abbreviations in social networks developed by the author. As a result, the key functions of abbreviations in English social networks are identified. A conclusion is made on the ability of abbreviations to enhance communication efficiency within media discourse.

Keywords: shortening, abbreviation, word formation, media discourse, productivity of abbreviations, expressiveness of abbreviations.

Развитие новейших технологий в начале XXI века стало важным фактором ускорения глобализации. Интеграция Интернета в повседневную жизнь значительно увеличила число пользователей по всему миру. В настоящее время Интернет является ключевой составляющей информационного пространства, а коммуникация через текстовые сообщения выступает одним из основных способов взаимодействия между людьми. Сообщения, комментарии и публикации на различных платформах (включая социальные сети, форумы, чаты и онлайн-игры) являются основными сферами, где широко распространено использование сокращений, что обусловлено потребностью пользователей в ускорении обмена сообщениями и повышении его эффективности. В условиях глобализации наблюдается появление новых языковых единиц, характеризующихся стремлением к экономии речевых средств, что особенно заметно в английском языке благодаря

его статусу международного средства общения и широкому использованию в цифровом пространстве.

Исследование терминов «аббревиация» и «сокращение» показало, что большинство ученых рассматривают их как взаимозаменяемые. Однако данные термины различаются с точки зрения этимологии, термин «аббревиация» является заимствованным для русского языка. Оба термина обозначают специфический вид сокращения, при котором используются начальные буквы или несколько букв каждого слова в выражении. При этом аббревиация представляет собой процесс создания новых лексем через сокращение слов или фраз, а аббревиатура – это результат этого процесса. За основу в данной работе будет взято определение Д. И. Алексеева. Под термином «аббревиация» понимается процесс, «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных значений» [1].

Лингвисты отмечают, что аббревиация является одним из наиболее распространенных и, что важно, продуктивных способов словообразования. Л. С. Филиппова в учебном пособии «Современный русский язык. Морфемика и словообразование» указывает, что такие слова «обладают высокой продуктивностью благодаря своей способности быстро адаптироваться к изменениям в языке и удовлетворять современные коммуникационные потребности» [2, с. 165].

Кроме того, использование аббревиатур позволяет скрытно передавать часть информации. Это качество делает их способными передавать не только фактические данные, но и чувственно-эмоциональный подтекст, используя максимально сжатые формы выражения понятий, что способствует достижению речевой экономии. Например, такие сокращения, как YOLO (You Only Live Once) или OMG (Oh My God), несомненно, имеют в себе экспрессивную составляющую [3].

В данной работе были проанализированы особенности использования английских аббревиатур в медиадискурсе на примере двух социальных сетей – Instagram и X. Выбор этих платформ обусловлен их высокой популярностью среди англоязычных пользователей. Анализ был проведен на основе комментариев англоязычных пользователей под постами таких американских и британских знаменитостей, как The Weeknd, Hailey Bieber, Rihanna, Lady Gaga, Adele, ZAYN и других.

Рассмотрим некоторые примеры использования сокращений: «Tu for speaking up against genocide», «Ur staying unblocked», «U getting cooked rn». Как можно заметить, пользователи социальных сетей используют данные сокращения для достижения компактности текста и наименьших временных затрат при написании комментария. В этой связи интересен пример

использования сокращения GOAT, которое стало очень популярно в последнее время среди пользователей сети Интернет. GOAT (Greatest Of All Time) является относительно недавней аббревиатурой и служит ярким примером акронимов (лексических инициальных сокращений, которые произносятся как отдельные слова) [5].

Большинство сокращений используется с целью выполнения их прямой функции – уменьшение затрат временных ресурсов на написание словосочетания для донесения какой-либо мысли. Например, aoty является широко распространенным сокращением, которое пользователь использовал, чтобы не писать его полный вариант, состоящий из четырех слов (Album Of The Year). В других примерах – «you smashed it fr», «need you back asap», «ily sm» – комментаторы также стремились сократить время на написание сообщений, не утратив при этом их смысла.

Однако существуют примеры, когда пользователи использовали сокращения не с целью экономии времени при написании. Например, в комментарии «YEAN GG everyone who got one» пользователь применил графическое сокращение GG, которое произошло из игрового сленга. В чатах видеоигр данное сокращение от словосочетания Good Game используется пользователями, как знак уважения и признания того, что соперник играл хорошо. GG также может использоваться как форма поздравления победившего соперника. В этом же случае данное сокращение не имеет никакого отношения к играм, пользователь выразил свою радость за тех людей, которые успели купить билеты на концерт любимого исполнителя. Таким образом, в данном случае коннотация сокращения осталась прежней, однако его сфера применения изменилась [4].

На основании вышеприведенных примеров использования аббревиатур в социальных сетях нам представилось возможным выявить классификацию функционально-прагматических характеристик английских аббревиатур:

- 1) сокращения, представляющие собой оценочные реплики;
- 2) сокращения, выражающие экспрессивность;
- 3) сокращения, используемые с целью экономии времени/символов;
- 4) сокращения, используемые для организации порядка рассуждения;
- 5) другие сокращения (отсылки к чему-либо, точечные термины, которые пришли в общее употребление из конкретной сферы или употребляются только в одной сфере).

Для более детального понимания распределения функционально-прагматических характеристик английских аббревиатур в социальных сетях был проведен выборочный анализ сокращений из социальных сетей X и Instagram с целью выявления их соотношения. Результаты анализа показали, что доминирующей функционально-прагматической характеристикой

сокращений, используемых в социальной сети Instagram является экономия времени/символов (11 сокращений из 20 – 55%). Второй по частотности характеристикой является выражение оценки (4 сокращения – 20%), далее – выражение экспрессивности (2 сокращения – 10%) и другие характеристики (2 сокращения – 10%). Только одно сокращение из рассмотренных относится к характеристике организация порядка повествования (5%).

Последней характеристикой является категория «Другое», в которую были включены такие примеры, как *tbt*, *MTF*, *GOAT*. Аббревиатура *tbt* имеет в себе отсылку к онлайн-флешмобу «Throwback Thursday», когда пользователи социальной сети X каждый четверг выкладывали памятное фото себя. На данный момент часть аббревиатуры *Thursday* превратилась в *to*, таким образом, аббревиатура сохранила свой смысл возвращения к чему-то памятного для человека, но данная аббревиатура вышла за пределы только одной социальной сети [6].

Аббревиатура *GOAT* изначально пришла из мира футбола, где ее применяли для описания выдающихся игроков. Однако со временем *GOAT* вышла за рамки футбольной сферы и стала использоваться для обозначения людей, достигших высочайших успехов в различных областях. Сейчас эта аббревиатура широко применяется во всех сферах медиадискурса в одном и том же значении. Благодаря своей универсальности, она одновременно относится к двум функционально-прагматическим характеристикам аббревиатур.

Перейдем к рассмотрению функционально-прагматических характеристик сокращений в социальной сети X. На основе отобранных примеров становится очевидно, что часто невозможно однозначно отнести сокращение к одной характеристике. Многие сокращения обладают несколькими оттенками значения и могут выполнять сразу несколько функционально-прагматических функций. Например, в сокращении *AOTY* – *Album Of The Year* можно выделить элемент выражения экспрессивности, поскольку данное словосочетание по смыслу означает превозношение одного конкретного музыкального альбома над всеми остальными, вышедшими в том же году. Также, данное сокращение можно отнести к пункту «Другое» и выделить его употребление. Данное сокращение может употребляться только в сфере музыки, поскольку речь идет именно о музыкальном альбоме.

В качестве примера сокращения, имеющего более одной характеристики, можно выделить *ily* (*I love you*). В данном примере сокращения ясно видно эмоциональный подтекст, именно поэтому мы относим его к пункту «Выражение экспрессивности». Наряду с этим, данное сокращение – яркий пример использования сокращений для экономии времени/символов,

поскольку для создания графического сокращения были взяты только первые буквы исходного словосочетания.

Преобладающая характеристика сокращений в социальной сети X – выражение экспрессивности (9 сокращений – 45%), вторая по частотности характеристика – экономия времени/символов (6 сокращений – 30%), далее – оценка (3 сокращения – 15%), и организация порядка рассуждения (2 сокращения – 10%). Число сокращений, относящихся к пункту «Другое» – 2 (10%).

Проведенное исследование показало, что основная цель использования сокращений у пользователей социальной сети Instagram заключается в уменьшении затрат времени и символов, тогда как у пользователей социальной сети X – в увеличении степени экспрессивности текста. Результаты исследования также подтвердили, что сокращения являются важной и неотъемлемой частью интернет-коммуникации, позволяя пользователям как ускорить передачу смысловой информации, так и выразить эмоции наиболее кратким способом без потери смысла высказывания.

Интересен процесс изменения внешнего вида аббревиатур. Как правило, при их возникновении и некоторое время после, они пишутся с точками после каждой буквы, что визуально не позволяет им выглядеть как отдельные слова. Со временем большинство аббревиатур утрачивают точки в написании, что способствует их плавному переходу в акронимы.

Коммуникация в виртуальной среде – предмет дискуссий среди специалистов в области языка, поскольку бесспорен тот факт, что сокращения и аббревиатуры меняют язык. Аббревиация как способ словообразования используется в тех случаях, когда другие методы не могут обеспечить аналогичный эффект, то есть, когда она является наиболее целесообразной с лингвистической точки зрения. Важно отметить, что аббревиация продуктивно взаимодействует и сосуществует с другими способами словообразования. Среди недостатков широкого использования сокращений можно выделить пренебрежение языковыми нормами и возможные трудности в понимании текста. К преимуществам относятся одновременная передача информации и эмоций, а также реализация принципа языковой экономии. Несомненно, сокращения обогащают язык, и их повсеместное использование в социальных сетях демонстрирует, что английский язык развивается под влиянием сетевой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке: монография. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. – 328 с.
2. Антрушина Г. Б., Афанасьева Г. Б., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие. – М.: Дрофа, 1999. – 288 с.
3. Нургалеева Т. Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования: 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 19 с.
4. Полетаева Е. Д. Аббревиация и сокращение: unus et idem? [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 917–920. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/108/26098/> (дата обращения: 27.05.2024).
5. Чопорова Е. И., Писакина Е. И., Смирнова И. Г. Виды англоязычных аббревиатур в современном Интернет общении [Электронный ресурс] // Вестник ВИВТ. – 2018. – С. 118–120. – Режим доступа: <https://vestnikvvt.ru/ru/journal/pdf?id=651> (дата обращения: 20.05.2024).
6. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 26.05.2024).